

Олег Айрапетов

**На пути к
краху. Русско-японская
война 1904–1905 гг....**

Исторические открытия

Олег Айрапетов

**На пути к краху. Русско-
японская война 1904–1905 гг.
Военно-политическая история**

«Алисторус»

2014

Айрапетов О. Р.

На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история / О. Р. Айрапетов — «Алисторус», 2014 — (Исторические открытия)

Руководству Российской империи нужна была «маленькая победоносная война» для укрепления авторитета государственной власти. Это должна была быть победа над дикими азиатами. Однако на самом деле милитаристская Япония была сильной развивающейся державой. И события 1904–1905 гг. на Дальнем Востоке стали для императорской России первым признаком начала конца. Ничем другим столь скандально проигранная война и не могла закончиться. Олег Айрапетов – один из известнейших авторов работ по внешней и военной политике России описывает историю и причины краха российской государственности.

Содержание

Вступление	6
Часть 1. Внешнеполитическая предыстория	23
Глава 1. Дальний Восток во внешней политике России в середине XIX века	23
Глава 2. Второй этап движения на Дальний Восток	28
Глава 3. Третий этап активизации на Дальнем Востоке – на пути к усилению позиций	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37
Комментарии	

Олег Айрапетов
На пути к краху. Русско-японская война
1904–1905 гг. Военно-политическая история

© Олег Айрапетов, 2014

© ООО «Торговый Дом Алгоритм», 2014

Вступление

В отличие от 100-летия русско-японской войны, ее 110-летие не было отмечено всплеском исследований этого конфликта. Этому есть довольно много причин. Так уж получилось, что история – наука круглых дат. В 2014 году внимание общества прежде всего было сконцентрировано на столетии Первой мировой войны. Впрочем, как показали события весны-лета юбилейного года, этот интерес не был бессмысленным. Борьба за мировое господство по-прежнему остается в повестке дня в некоторых западных столицах, следовательно, актуальной является и сопротивление этой политике, ну а для некоторых, увы, коллаборационизм.

В любом случае, вполне оправданный интерес к событиям 1914–1918 гг., на мой взгляд, не исключает возможности спокойного, вдумчивого отношения к тому, что произошло в 1904–1905 гг. на Дальнем Востоке. И в самой русско-японской войне, и в ее широком международном контексте, и в том, как она отозвалась на внутреннем положении Российской империи – во всем этом есть немало интересного и поучительного.

И для России, и для Японии эта война стала весьма значимым, символическим событием. Страна Восходящего Солнца своей победой над огромной империей, обладавшей первоклассной европейской армией и значительным флотом, завоевала право на вступление в клуб Великих Держав того времени. Кроме того, этот успех дал возможность Токио закрепиться в континентальном Китае (Тайвань был захвачен японцами еще в 1895 г.) и подчинить своему влиянию Корею. Между тем именно защита этой страны была объявлена главной причиной вступления войны в императорском манифесте от 10 февраля 1904 г.: «Неприкосновенность Кореи служила всегда для нас предметом особой заботы, не только благодаря традиционным сношениям нашим с этой страной, но и потому, что самостоятельное существование Кореи важно для безопасности нашего государства»^[1]. После войны настало время для других деклараций. Впервые на Дальнем Востоке явственно прозвучал лозунг «Азия для азиатов». Прямым следствием победы Японии стало начало ухудшения японо-американских отношений. «Открытые двери» в японской зоне влияния в Манчжурии начали закрываться и довольно плотно^[2].

Что до Кореи, то самостоятельное существование этой страны перестало интересовать Токио после заключения Портсмутского мира. Как отмечал один из японских авторов, «Корейский полуостров подобен кинжалу, направленному в сердце Японии. Это обстоятельство диктовало необходимость обеспечения безопасности Японии путем установления тесных политических и военных отношений с Кореей»^[3]. Говоря более прозаически, в 1911 г. Корея была присоединена к Японии и превратилась в колонию. Очень скоро обладания «корейским кинжалом» оказалось недостаточно. Выйдя из Первой Мировой войны в клубе держав-победительниц, Токио начал целенаправленно готовить свою армию к войне с Советской Россией, а флот – с США^[4]. Это был третий после 1894–1895 гг. и 1904–1905 гг. шаг по пути движения Японии к 1945 году. Правда, в 1905 г. мало что предвещало, насколько трагическим станет финал этой истории.

Для императорской России события 1904–1905 гг. на Дальнем Востоке также станут первым признаком начала конца. Ничем другим столь скандально проигранная война и не могла закончиться. Еще в 1811 году Н. М. Карамзин отмечал, что «...для твердого самодержавия необходимо государственное могущество»^[5]. Такой консервативный критик власти, как К. Н. Леонтьев, еще накануне гибели Александра II описал задачу ближайшего будущего как «подмораживание». В правление Александра III твердое самодержавие демонстрировало своим подданным способность к холодному очарованию величия, как и могущество без крупных военных конфликтов. Надо отметить, правительство делало это не без успеха. Сам император был твердым сторонником неограниченного самодержавия, и не намерен был уступать даже главному хранителю этой идеи и своему наставнику – К. П. Победоносцеву^[6].

1880-е годы были временем окончательного разгрома народнического движения, апогеем политического «умиротворения»^[7]. «За 13 лет, – отмечал лидер земских либералов Ф. И. Родичев, – с 1881 по 1894 год, общественная жизнь, движение мысли шли понижаясь. Попытки сговора земских людей делались все реже и реже, все малолюднее были собрания реформистов»^[8]. Результат, казалось, был обнадеживающим. «В широком обществе, – вспоминал один из лидеров либерального лагеря начала XX столетия В. А. Маклаков о настроениях в 80-е годы XIX века, – Самодержавие еще хранило свое обаяние. Не за реформы, которые оно провело в 60-х годах, а за то, что олицетворяло в себе народную мощь и величие государства. Монархические чувства в народе были глубоко заложены. Недаром личность Николая I в широкой среде обывателей не только не вызывала злобы, но была предметом благоговения»^[9].

Этим словам можно доверять, но реальная картина, конечно, не была столь радужной. Творцы этой политики были уверены в том, что лучше других понимают Россию и опасаться на фоне столь очевидных достижений нечего. «Комизм таких детских понятий, если они долго будут руководить политикой, – отмечал в январе 1882 г. консервативный славянофил К. Д. Кавелин, – может, наконец, обратиться в трагедию самого печального свойства»^[10]. Любые идеологические иллюзии, переплавленные в политику, представляют собой огромную опасность. Правительство, которое берет на себя всю полноту власти, должно предвидеть опасности, стоящие перед государством, так как полнота власти тождественна полноте ответственности. Положение русской деревни было исключительно тяжелым, основным направлением аграрной политики стала поддержка дворянского землевладения. В середине 80-х помещики получали ссуды через Дворянский банк в 7–8 раз больше, чем заемщики Крестьянского банка^[11].

В начале 90-х гг. эта проблема обострилась до предела и достигла государственного масштаба. Неурожай 1891 г. привел к голоду, охватившему два десятка губерний, преимущественно черноземных. Некоторые районы полностью пустели. Деревни стояли с заколоченными домами – это были «избы разбежавшихся во все концы света от голодной смерти людей»^[12]. Кризис, по мнению видного кадета и исследователя внутренней политики России, стал могучим фактором будущих изменений^[13]. Социальный подтекст бедствия был очевиден – о нем открыто заявил голос, который невозможно было не услышать. «Нынешний год, – утверждал Л. Н. Толстой, – только вследствие неурожая показал, что струна слишком натянута. Народ всегда держится нами впроголодь»^[14].

К концу года из 72 млн. рублей, выделенных на борьбу с голодом, правительство потратило 60, а результат был мизерным. Финансовая стабильность страны оказалась под угрозой. Против дальнейшего выделения средств на борьбу с голодом выступил министр финансов – И. А. Вышнеградский^[15]. Это был человек выдающихся способностей, ученый и предприниматель, политика которого сводилась к поддержке экспорта зерна и экономии на нуждах населения^[16]. Результаты этой политики довольно точно сформулировал В. Г. Короленко: «Мы привыкли брать у деревни, давать – не умеем»^[17]. Голод и эпидемии показали, в частности, и слабость сельского духовенства, в котором правительство видело свою духовную опору в деревне. Волнения в духовно-учебных заведениях, столкновения между прихожанами и пастырями – все это было только началом^[18].

Либеральное движение, казалось, разгромленное в 80-е годы, вновь ожило, прочно встав на почву борьбы с голодом и последовавшими за ним эпидемиями^[19]. «1891 год, – вспоминал П. Н. Милюков, – был переломным в смысле общественного настроения. Голод в Поволжье, разыгравшийся в этом году, заставил встрепенуться все русское общество»^[20]. Оно отказывалось покорно принимать окрики власти в вопросе о помощи голодающим. Оно услышало слова Толстого: «Право же подавать милостыню установлено самою высшею властью, и никакая другая власть не может отменить его»^[21]. Страна нуждалась в образованных людях, и государство само множило их количество. «Как ни тяжела была общественная реакция 80-х гг., –

заявил в первой редакторской статье первого номера журнала «Освобождение» ее редактор П. Б. Струве, – но она не смогла остановить культурных потребностей, интересов и начинаний общества»^[22]. По-другому и быть не могло. Не могло быть иного исхода и у голода начала 90-х.

Историк общественного движения М. А. Колеров отмечает: «Широко известно, какое революционизирующее воздействие на российское общество оказал голод 1891 года: первоначальные ограничительные меры правительства, направленные на «отсечение» общественной самодеятельности от помощи голодающим, тщетные попытки власти стабилизировать ситуацию, вынужденное разрешение на неправительственную помощь, сбор средств, создание столовых, активность прессы, сплошь и рядом ставшие работоспособной инфраструктурой для формирования оппозиции. 1891 год покончил с представлением о полной силе и непобедимости власти. Оказалось, что репрессивной власти можно противопоставить общественное мнение и общественную самоорганизацию – национальная трагедия, каковой, безусловно, стал голод, была удобным поводом и контекстом для такого соперничества. В этой ситуации оставалась не произнесенной, но оттого не менее принципиальной презумпция: дискредитировавшая себя власть «отступает», добровольно оставляя простор для самоутверждения и развития оппозиции. В 1891 году в центре общественной и моралистической критики оказались не только властный цинизм, ярко выраженный в виттевском лозунге «не доедим, но вывезем», но и народнический «утопизм», все свои надежды на социалистическое переустройство строивший на предположении, что архаичное крестьянское хозяйство способно стать экономически и социально эффективным. 1891 год обнажил всю внутреннюю слабость владевшего обществом союза государственного национализма с поздним славянофильством и умеренным народничеством»^[23].

А на подходе была и новая волна революционеров – все большую популярность набирал марксизм. Правительству оставалось только бороться с голодом, либералами и... угрозами сокращения зернового экспорта. Но в целом общество было еще в абсолютном большинстве едино и признавало авторитет верховной власти. Таковым было наследство, принятое Николаем II после смерти его отца. Ничего подобного в 1905 году уже не было. В высшей степени символично, каким было начало пути, приведшего к таким результатам. Вмешательство в японо-китайский конфликт, вызвавшее столь твердую убежденность в неизбежности войны с Россией в Токио, почти совпало в Петербурге с демонстрацией решимости по вопросу о незыблемости самодержавия на «внутреннем фронте».

Противостояние власти и общества не закончилось после бедствий 1892–1893 гг. «Ограничение сферы действий земских учреждений, – отмечал один из рупоров либеральной оппозиции весной 1894 г., – только одна из сторон анти-земского движения, все более учливающегося в последнее время»^[24]. Устойчивым стал конфликт традиционно либеральных земских учреждений в твери с местным губернатором. 2 года земцы и власть находились в конфликте, и в конечном итоге он приобрел открытый характер, в том числе и по вопросу о выделении средств на борьбу с таким последствием голода, как эпидемия холеры^[25]. Ожидания либеральных преобразований стали очевидными сразу же после смерти Александра III^[26]. Все, кто ждал изменений во внутренней политике, «...все, с неясными, но огромными надеждами, взирали на юного царя Николая II»^[27].

20 октября(1 ноября) 1894 г. молодой монарх издал манифест о восшествии на Престол. Он обещал править на основании заветов родителя, т. е. «...всегда иметь единою целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устройство счастья всех Наших верноподданных»^[28]. Смутные надежды, связанные с императором, укреплялись и приводили к постепенной активизации земцев. Умеренные и либеральные элементы земства начали объединяться^[29]. В конце 1894 г., когда победа армии и флота микадо над Цинской империей стала очевидной, надежды на неизбежность реформ(почти всегда появлявшиеся в России в начале нового царствования) породили адрес Тверского земства на Высочайшее Имя. Он был принят

8(20) дек. 1894 г. земским собранием, автором его был предводитель губернского дворянства Ф. И. Родичев^[30].

Этот документ был явным ответом на манифест и кратким изложением надежд и программ либералов. Они призывали императора к диалогу: «Мы уповаем, что счастье наше будет расти и крепнуть при неуклонном исполнении закона, как со стороны народа, так и представителей власти, ибо закон, представляющий в России выражение Монаршей Воли, должен стать выше случайных видов отдельных представителей этой власти. Мы горячо веруем, что права отдельных лиц и права общественных учреждений будут незыблемо охраняемы. Мы ждем, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты Престола могло достигать выражение потребностей и мыслей не только представителей власти, но и народа русского. Мы ждем, Государь, что в Ваше царствование Россия двинется вперед по пути мира и правды со всем развитием общественных сил. Мы верим, что в общении с представителями всех сословий русского народа, равно преданных Престолу и Отечеству, власть Вашего Величества найдет новый источник силы и залог успеха в исполнении великодушных предначертаний Вашего Императорского Величества»^[31]. Адрес был принят под аплодисменты. Зачитавший его Родичев закончил призывом: «Господа, в настоящую минуту наша надежда, наша вера в будущее, наши стремления, все обращены к Николаю II. Николаю II наше “ура!”»^[32]

О молодом императоре почти ничего не знали, но ожидали от него хорошей реакции на инициативы общественности^[33]. Новый год начинался ожиданием нового периода во внутренней политике России. 7(20) января в Министерстве земледелия открылась сессия сельскохозяйственного совета, в работе которого принимали участие и представители частного землевладения. От этого скромного по сути начинания ожидали весьма многого^[34]. 13(26) января был издан Высочайший указ министру финансов о выделении ежегодной помощи в 50 тыс. рублей «ученым, литераторам и публицистам, а равно их вдовам и сиротам»^[35]. Все это также было воспринято обществом весьма положительно^[36]. Адреса начали готовить и другие земства^[37]. Неоправденно высокие ожидания закончились разочарованием. Идеологом ответа на адрес тверитян стал все тот же Победоносцев, в лице которого молодой император нашел надежного, как ему казалось, советника, который смог бы ответить на вопрос – как поступил бы в этом случае его отец^[38]. Уже в 1881 г. Победоносцев ярко выразил свое *sredo* – конституция для него была фальшью, признаком и угрозой «конца России», парламенты – «говорильнями», наполненными «негодными, безнравственными людьми»^[39]. Обер-прокурор Святейшего Синода даже составил краткий вариант «твердого слова» императора. Активную роль сыграл и министр внутренних дел И. Н. Дурново, предлагавший перейти к административным мерам в отношении авторов адреса^[40]. В результате Родичев не был включен в делегацию, приглашенную на встречу с Николаем II, ему было запрещено заниматься земской деятельностью^[41].

17(29) января 1895 г. в Николаевском зале Зимнего дворца состоялось прием делегатов дворянства, казачества, земств и городов императорской чете. От 20 земств было подано 2 адреса, один из них – Тверской. Император заявил: «Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой покойный Родитель»^[42]. Николай отметил случившееся в своем дневнике следующим образом: «17(29) января 1895 г.: «Был в страшных эмоциях перед тем, чтоб войти в Николаевскую залу, к депутациям от дворянств, земств и городских обществ, которым я сказал речь»^[43].

Речь была немедленно напечатана во всех центральных газетах, а на следующий день Николай II принял еще более многочисленные делегации, и на этот раз все обошлось без громких заявлений^[44]. Очевидно, состояние императора накануне было причиной того, что вместо слова «беспочвенными» было прочитано (текст лежал в шапке, которую держал в руке монарх), а точнее – выкрикнуто «бессмысленными»^[45]. Впечатление того, что император «прокричал речь» было общим^[46]. По официальному отчету, окончание приема было прекрасно: «Громогласное “ура!” огласило Николаевскую залу»^[47]. Эмоции, которые последовали, были не столь радужными, но не менее сильными. Встреча была истолкована однозначно: власть объявила оппозиции войну^[48]. По-другому и быть не могло. Призыв либералов был публично назван монархом глупостью. «Трудно изобразить то волнение, – вспоминал П. Б. Струве, – какое в разнообразных кругах общества произвела произнесенная Николаем II 17 января 1895 г. краткая речь о “бессмысленных мечтаниях”»^[49].

Слова императора «... тотчас стали предметом столь же злобной, сколь насмешливой критики»^[50]. «В городе, – отметил в своем дневнике 19(31) января директор канцелярии МИД граф В. Н. Ламздорф, – начинают сильно критиковать позавчерашнюю речь государя; она произвела самое печальное впечатление»^[51]. В этот день в столице появилось открытое письмо к Николаю II, гласившее: «Вы сказали свое слово, и оно разнеслось теперь по всей России, по всему культурному миру. До сих пор Вы были никому не известны; со вчерашнего дня Вы стали определенной величиной, относительно которой нет более места “бессмысленным мечтаниям”»^[52]. Письмо заканчивалось словами: «Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать»^[53]. Автором письма называли Родичева, что явно не улучшило положение автора Тверского адреса^[54]. На самом деле это сделал Струве^[55]. Еще через три дня после приема представителей цензовой общественности в Зимнем дворце в Петербурге было принято решение готовиться к вмешательству в японо-китайский конфликт.

Через несколько лет внутренняя и внешняя политика снова пересеклись и снова имели последствия для будущего конфликта на Дальнем Востоке. Положение крестьянства черноземных губерний было чрезвычайно сложным. Малоземелье заставляло крестьян соглашаться на кабальные условия аренды земли. Все это вместе с бесправием и низким уровнем сельскохозяйственной культуры стало причиной падения сбора хлебов и картофеля и роста недоимок. Если в 1871–1875 гг. они составили 4 млн. руб. (10 % оклада), то в начале XX века – уже 55 млн. руб. (177 % оклада)^[56]. Весной 1902 г. тяжелейшее положение крестьян проявилось в аграрных беспорядках. В марте в течение 4 дней в Полтавской губернии было разгромлено 54 усадьбы, затем беспорядки перекинулись в Харьковскую губернию^[57]. Для подавления их пришлось использовать войска. Появились убитые и раненые^[58]. 2(15) апреля 1902 г. в ответ на эти действия правительства эсеры организовали убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина.

Все это было тем более неприятно, потому что в Петербурге ждали союзника. 7(20) мая в столицу России прибыл президент Франции Э. Лубе. Высокого гостя встретили торжественно. Приемы чередовались смотрами, танцы – раутами, парады – салютами. 10(23) мая Лубе покинул Россию^[59]. На следующий день был подписан Высочайший указ Сенату, по которому пострадавшие землевладельцы получали 800 тыс. руб. из Государственного казначейства. Компенсировать эту сумму оно должно было, взыскивая ежегодный дополнительный сбор с сельских обществ и селений, крестьяне которых принимали участие в беспорядках. Начать сбор предписывалось со второй половины 1902 г.^[60] Оппозиция назвала эту меру «огульной штрафной контрибуцией»^[61]. Аграрные беспорядки уже стучались в дверь, но правительство, зная о неустойчивости деревни, не торопилось действовать. Оно ограничивалось демонстрацией силы и обещаниями.

В августе-сентябре 1902 года под Курском были проведены большие маневры. Их планировалось организовать еще в августе 1900 года, но восстание в Китае сорвало эти планы. Все,

кроме сроков, осталось без изменений. В маневрах по расписанию должны были участвовать 154 батальона, 76 эскадронов и 1 сотня, 348 орудий^[62]. Они разделялись на Московскую армию во главе с Великим Князем Сергеем Александровичем, командующим войсками Московского Военного округа и Южную, во главе с Военным министром. 25 августа (7 сентября) в район маневров прибыл Военный министр ген. – ад. А. Н. Куропаткин^[63]. 28 августа (10 сентября) – Великие Князья Сергей Александрович и Михаил Николаевич (он был посредником), 29 августа (11 сентября) – император^[64].

На курском вокзале Николая II встречали представители дворянства и земства. Первым он обещал преобразования, созыв губернских комитетов с участием дворянства и земства. «Что же касается поместного дворянства, которое составляет исконный оплот порядка и нравственной силы России, – заявил монарх, – то его укрепление будет Моею непрестанною заботою». Что касается представителей земства, то им было рекомендовано заниматься местными хозяйственными нуждами^[65]. Это была программа Министра внутренних дел В. К. фон Плеве, которую он проводил в жизнь при полной поддержке императора^[66]. 1 (14) сентября Николай посетил Курск, где открывался памятник Александру III. После торжественного освящения в присутствии представителей дворянства император проследовал в дом губернатора^[67]. Здесь были собраны некоторые волостные старшины и сельские старосты Курской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Орловской и Воронежской губерний. В краткой речи император сказал им, что виновные в беспорядках в Харьковской и Полтавской губерниях понесут заслуженное наказание, а им следует помнить слова Александра III, сказанные им при коронации в Москве волостным старшинам: «Слушайте ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным слухам»^[68].

Затем начались маневры, прославившие по всей России имя генерала Куропаткина. Здесь он продемонстрировал свой стиль управления крупными массами войск, который будет потом применять в Манчжурии. Южная армия, собранная из войск Киевского и Одесского Военных округов, имела в составе два армейских и один сводный корпус, а также кавалерийской дивизии – всего 88,5 батальонов, 49 эскадронов и сотен, 46 батарей (216 орудий). Она играла роль армии вторжения, которая, переправившись через Днепр у Киева, наступает широким фронтом на Москву через Курск и Орел^[69]. Московская армия комплектовалась из войск Московского и Виленского Военных округов, и также состояла из двух армейских и сводного корпуса – всего 77,75 батальонов, 36,5 эскадронов и сотен, 198 орудий. Она должна была продвинуться через Орел к Курску, встретить наступающих и отбросить их к югу^[70]. на первом этапе маневров «южные» уступали численности «противнику». Их задача сводилась к постепенному отступлению к Курску, удержанию этого города в обороне вплоть до прибытия подкреплений, после чего армия Куропаткина должна была получить незначительное превосходство, достигнув силы в 79 батальонов, 40 эскадронов и 1 сотню, 180 орудий, и перейти в контрнаступление на Орел. «Участвующие в маневре войска, – говорилось в плане маневров, – будут богато снабжены техническими средствами – телеграфами, телефонами и воздушными шарами. Имеется также в виду произвести испытания деятельности самокатчиков и опыт передачи сведений при помощи телеграфа без проводов и почтовых голубей. Ближайший подвоз к войскам грузов предположено организовать отчасти при помощи полевых железных дорог, испытав для той же цели и пригодность автомобилей»^[71]. Все эти планы остались в силе.

Это были действительно масштабные учения, где был использован целый ряд экспериментов – воздушные шары для наблюдения, полевые телефоны. Новый вид связи был использован довольно эффективно: всего было проложено 29 верст телеграфных и 20 верст телефонных линий, установлено 9 телеграфных и 11 телефонных станций^[72]. Кроме того, при штабах армий использовали несколько легковых и грузовых автомобилей. Эксперимент признали неудачным по причине ненадежности этой новой техники^[73]. Был сделан опыт, правда, также неудачный, по использованию дорожных паровозов для снабжения войск продовольствием. 6-ти и 10,5-

тонные паровые машины тянули за собой по 3 платформы соответственно по 3 и 4 тонны каждая. Русские дороги и особенно мосты оказались непригодными для такой техники. Новшеством было и то, что учебные бои и передвижения войск не прекращались и ночью^[74]. Судя по отчету Южной армии, Куропаткин достиг успеха в действиях против Московской армии во главе с Великим князем Сергеем Александровичем^[75].

Получая возможность действовать самостоятельно в качестве командующего, Военный министр стремился растянуть свои войска в кордонную линию, и выходил из кризиса по привычке, унаследованной им от туркестанских походов, когда он командовал отрядами, численность которых не превосходила тысячи человек. Это было тем легче сделать, что эти привычные методы были в какой-то степени традиционны и для маневров, и не только для Куропаткина. Так, например, Московская армия осуществила удачный, но абсолютно неприменимый в реальной обстановке кавалерийский рейд на продовольственные склады и полевые хлебопекарни «Южных»^[76]. В целом, не смотря на попытки инноваций, маневры проходили по какому-то совершенно устаревшему сценарию, как будто их участники играли в войны наполеоновской эпохи. Казаков разворачивали в одношереножную лаву, всадники занимались джигитовкой, пехота наступала густыми цепями под музыку и барабанный бой, батареи ставили на открытые позиции, где они стояли, «выравненные, как на картинке»^[77].

В этой красивой постановке противникам Куропаткина не везло, как отмечал один из участников этих учений: «...неудачи преследовали Северную армию, да и неудивительно, что в конечном итоге Военный министр «победил» Великого князя. Куропаткин сам составил план маневров, подобрал себе лучшие войска и назначил себя командовать Южной армией»^[78]. На финальном этапе двухнедельных маневров ему удалось затмить всех. Московская армия отступала на подготовленную позицию в окрестностях села Касторное – там были отрыты окопы полного профиля, замаскированы батареи, установлены провололочные заграждения и отрыты «волчьи ямы». 3(16) сентября 1902 г. ее атаковали силы Южной армии. Наступление велось по совершенно открытой местности, пехота и кавалерия при этом натывались на овраги, которые им пришлось преодолевать под артиллерийским и винтовочным огнем^[79]. Всего в нем приняло участие 64 батальона при поддержке 100-пушечной батареи. «Было ясно видно, – гласил отчет «южных», – дружное наступление VIII и X корпусов. По мере наступления боевые линии этих корпусов сближались и, наконец, слились. Батальоны, наступавшие от Поляшного, брали противника почти в тыл. Войска шли с музыкою, одушевление было полное»^[80].

Вот как выглядела эта картина глазами начальника штаба Сергея Александровича: «Заключительный акт маневров, бой на Касторной позиции, у самого Курска, показал, что Куропаткин не обнаружил ясного представления о том, что такое атака укрепленной позиции, при современных условиях ведения войны и при новом оружии, да при том – позиции, занятой целой армией. Слабо обстреляв расположения противника артиллерией, Куропаткин собрал в кучу около 20 батальонов, построенных в колонны с жидкими цепями впереди, лично выехал вперед со своею многочисленную свитою и значком и повел атаку»^[81]. Когда весь этот отряд во главе с Военным министром появился на опушке леса, главный посредник Великий Князь фельдмаршал Михаил Николаевич отказался поверить собственным глазам^[82]. Последнее удивительно. Необходимо отметить, что штаб Сергея Александровича расположился на высоком холме на фронте главной позиции, и тоже был хорошо виден, тем более, что на холме был установлен его значок – стяг с изображением св. Георгия Победоносца. Тем не менее пехота, которую вел Куропаткин, шла на незамеченную, хорошо замаскированную батарею, расположенную под этим холмом. Она была еще далеко, когда неожиданно для штаба Московской армии в 2,5–3 километрах в тылу появилась конница «южных», которая шла в атаку на него^[83]. Это произвело впечатление. С точки зрения штаба «южных», маневр был произведен идеально^[84].

Военный корреспондент в штабе Великого Князя вспоминал: «Вместе с большинством офицеров этой армии восхищался он (т. е. В. А. Апушкин, автор. – А.О.) планами Куропат-

кина, энергией, с которой велся им маневр, и той верностью глаза, с которой он соображал и наносил нам удары в наиболее чувствительные места. Помню, как энергично, как быстро велась им атака в сражении под Касторной, закончившим маневр. Как быстро мы, штаб Московской армии, должны были рассыпаться с пригорка, с которого наблюдали за ходом боя и который оказался, неожиданно для нас, центром стремления атакующего»^[85]. Это был далеко не без-опасный прием, который, кстати, вызвал панику далеко не у всех на пресловутом «пригорке». Орудия замаскированной батареи тотчас были развернуты и открыли по кавалерии беглый огонь. В боевых условиях кавалерийская атака со столь далекой дистанции на артиллерию не обещала ничего хорошего. Но тут маневры были прекращены и вскоре войска уже приветство-вали императора, выезжавшего к ним со стороны Южной армии^[86]. Тот был очень доволен результатами действий Куропаткина. «Замечательна красива была последняя минута, – запи-сал Николай в своем дневнике от 3(16) сентября, – когда целое море белых рубашек наводнило всю местность»^[87].

Интересно, что в октябре 1902 года большие маневры были проведены и в Японии и тоже в присутствии императора. 6-я и 12-я дивизии отрабатывали на них высадку и отраже-ние десанта и встречный бой. Японская армия прежде всего отрабатывала фланговые обходы и контрудары, а ее артиллерия действовала так, что трудно было бы надеяться на успех прие-мов в стиле атаки под Касторной. Это также не было секретом для русской армии. «Я стоял на батарее впереди д.[еревни] Нанден и видел, – писал в очерке, опубликованном в «Военном сборнике» наблюдатель, – как работали артиллеристы: спокойно, не суетясь, в полной тишине, словно все, что происходило вокруг, их мало интересовало, и как будто все люди, находивши-еся на батарее, не знали друг друга. При таком порядке легко управлять и батареей, и огнем»^[88]. Конечно, и на маневрах японской армии проявлялись свои проблемы, но ничего подобного тому, что произошло под Курском, там не было.

После атаки на Касторную победа была присуждена «южным». Генерал Л. Н. Собо-лев – начальник штаба Московской армии, прямо указывал, что высокая оценка действий Куропаткина рядом генералов (среди которых, кстати, был и его будущий начальник штаба ген. В. В. Сахаров, и его будущий подчиненный командующий армией ген. А. В. фон Кауль-барс) объяснялась исключительно его высоким служебным положением. Великий князь, про-читав панегирический отчет о результатах маневров, даже зарекся впредь принимать участие в подобного рода состязаниях с Военным министром^[89]. Гораздо более удачными были действия Куропаткина по саморекламе. «Искусность» руководства армией на маневрах, безусловно, добавила Куропаткину популярности. Одной цели он все же добился – журналист из штаба Московской армии вспоминал: «А когда, по окончании маневра, мы стали обмениваться впе-чатлениями, мы наслушались немало рассказов о той простоте, с которой жил Куропаткин на маневрах, о том неусыпном труде, который он нес, подавая пример всему штабу»^[90].

По окончании маневров был проведен смотр и парад шести корпусов, принявших в них участие^[91]. 5(18) сентября на огромном поле были выстроены 163,25 батальонов, 85,5 эскадро-нов и сотен, 408 орудий. В строю стояло 90 генералов, 552 штаб- и 3388 обер-офицеров, 89 121 нижний чин. На трибунах за грандиозным зрелищем налюдовали десятки тысяч человек. импе-ратор и шах Ирана были в центре внимания^[92]. Николай был очень доволен маневрами и пара-дом^[93]. По окончании смотра были подписаны Высочайшие Именные рескрипты. Император был особо внимателен к Военному министру: «С особым удовольствием Я следил с все время маневров за искусным высшим управлением действиями командуемой Вами армии и высоко поучительным исполнением возложенной на нее задачи»^[94]. Через несколько лет Куропаткин возглавил армию и показал свои возможности – он терпеливо отступал навстречу резервам, которые так и не смог рационально использовать.

Генерал всегда выезжал к войскам со своей довольно многочисленной свитой, конвоем, с Георгиевским желто-черным значком, а под Шахэ лично повел в атаку свой последний резерв

– полк^[95]. «За исключением казаков конвоя, – вспоминал офицер его штаба, – одетых однообразно и по форме, все остальные поражали пестротой одежды, в основе которой лежала личная импровизация. Сам командующий был неизменно одет в генеральскую серую «тужурку», подпоясанную серебряным шарфом, что представляло неожиданное сочетание домашней внеслужебной формы с парадной. В свите мелькали сюртуки, кожаные куртки разных оттенков, кителя, рубахи. Долговязый полковник Н. А. Данилов, так называемый «рыжий», занимавший в штабе самую небоговую должность начальника полевой канцелярии, облакался в мундир со всеми орденами. Казалось, он воображал себя одним из героев батальной картины эпохи 1812 года»^[96]. Результат был неизбежен.

Многочисленные проблемы во внутренней политике перед войной имели и прямую связь с внешнеполитическим положением страны и будущим конфликтом на Дальнем Востоке. 6–7(19–20) апреля 1903 г. в Кишиневе произошел погром, принявший чрезвычайно значительный масштаб. 45 человек было убито, 71 получили тяжелые и 350 – легкие ранения. 700 домов и 600 лавок было разграблено^[97]. Легенда о причастности администрации, и, в частности, Министра Внутренних дел. В. К. Плеве к организации погромов, или, как минимум, в снисходительном отношении к погромщикам активно распространялась С. Ю. Витте^[98] и его союзниками в либеральном лагере^[99]. Прямолинейный, открытый, беспощадный Плеве, казалось, был природным антиподом Витте^[100]. Журнал «Освобождение», издававшийся П. Б. Струве в это время в Германии, еще накануне этих событий занял сторону Витте в его противостоянии с Плеве по еврейскому вопросу^[101]. После Кишинева орган Струве нисколько не сомневался в несомненном попустительстве властей погрому и в личной вине Плеве за случившееся^[102].

18 мая 1903 г. «Times» со ссылкой на корреспондента в России опубликовал письмо Плеве к бессарабскому губернатору ген.-м. В. С. фон Раабену, «которое, как предполагается», было направлено накануне погрома, в котором содержались следующие рекомендации: «Министр Внутренних Дел. Канцелярия Министра. 25-го марта 1903 года, № 341, совершенно секретно. Господину бессарабскому губернатору. До сведения моего дошло, что в вверенной Вам области готовятся большие беспорядки, направленные против евреев, как главных виновников эксплуатации местного населения. Ввиду общего среди городского населения беспокойного настроения, ищущего только случая, чтобы проявиться, а также принимая во внимание бесспорную нежелательность слишком суровыми мерами вызвать в населении, еще не затронутым (революционной) пропагандой, озлобление против правительства, Вашему Превосходительству предлагается изыскать средства немедленно по возникновении беспорядков прекратить их мерами увещевания, вовсе не прибегая, однако, к оружию»^[103]. «Освобождение» воспроизвело эту публикацию в «Times» в русском переводе, но без оговорок о предполагаемой достоверности документа, добавив: «Это наставление Министра Внутренних дел бессарабскому губернатору, кажется, должно последних сомневающих убедить в том, какую роль играл в кишиневском погроме самодержец ф. – Плеве»^[104].

Качество подделки было очень высоким, и даже Плеве, часто не вчитывавшийся в подписываемые им документы, поначалу принял этот документ за настоящий^[105]. Письмо это однозначно трактовалось как полупризнание правительства в причастности к случившемуся^[106] и активно перепечатывалось европейской и американской прессой. Вскоре правда выяснилась^[107]. Следствие также быстро выяснило подложный характер письма^[108], что, вообще-то, было очевидно и из самого характера действий властей. Фон Раабен сразу же обратился к военным властям для вооруженного подавления беспорядков, отказавшись при этом от того, чтобы взять на себя ответственность за применение силы. Далее произошло то, что так часто имеет место в любезном Отечестве нашем при критических обстоятельствах – чиновники, не имея четких инструкций, не решались действовать самостоятельно. Пока военные и гражданские власти выясняли, кто должен взять на себя ответственность, шел погром^[109]. Министр

Внутренних дел отправил Раабена в отставку за бездействие (Витте, кстати, не сделал ничего в отношении властей в Гомеле, допустившим погром во время его премьерства)^[110].

Кроме того, Плеве опубликовал сообщение о фальшивке в «Правительственном вестнике» со ссылками на публикации в «Times», «Daily News», «Munchener Neuste Nachrichten» соответствующими комментариями: «Вышеизложенные сведения вымышлены: письма Министра Внутренних Дел бессарабскому губернатору приведенного содержания не существует, и никакого сообщения с предупреждением бессарабских властей о готовящихся беспорядках не было»^[111]. В эти заверения никто не поверил, русские подцензурные газеты просто перепечатывали сообщение МВД без комментариев^[112]. Корреспондент «Times» был выслан из России за публикацию фальсифицированных материалов^[113]. «Освобождение» продолжало обвинять Плеве в том, что он препятствует объективному расследованию случившегося^[114], в попытках разжигать страсти и т. п.^[115]

История, имевшая место в Кишиневе, не могла не найти отражение в США. Местная еврейская диаспора резко увеличилась за последнее 20-летие XIX века. С 1889 по 1898 гг. из России в США выехало 418 600 эмигрантов-евреев. Для того, чтобы обратить внимание на погром в Кишиневе, община провела 77 митингов в 55 городах 27 штатов. Официальный Вашингтон воздержался от вмешательства, но история имела продолжение^[116]. В весьма тяжелое для Японии время, когда перед войной с Россией у Токио были финансовые сложности, и не было желающих предлагать займы, на помощь японцам пришел американский банк Я. Шиффа «Кун, Лейб и К».. Шифф принял решение именно в результате впечатления, произведенного Кишиневским погромом и информацией о причастности русских властей к его организации^[117]. Подложное письмо Плеве к фон Раабену невольно наводит на мысли о том, как противоречия в правительстве, для решения которых отдельные его члены прибегали к распространению фальшивок и контактам с оппозицией, приводили к дискредитации страны и явно облегчали финансовые контакты Токио с некоторыми банковскими домами США.

После приема в Зимнем дворце в январе 1895 г. прошло 10 лет. Война, в начале которой трон мог опираться на поддержку значительной части своих подданных, развивалась неудачно, что немедленно сказалось на внутреннем положении страны. 28 июля 1904 г. был убит Плеве. Известие об этом вызвало у многих «чувство радости». Террор уже не могуч тех, кто в конце 1894 г. призывал к законности. «Трупы Боголепова, Сипягина, Богдановича, Бобрикова, Андреева и ф. – Плеве, – заявлял Струве, – не мелодраматические капризы и не романтические случайности русской истории; этими трупами обозначается логическое развитие отжившего самодержавия»^[118]. Поражения на сопках Манчжурии и в водах Желтого и Японского морей сыграли роль катализатора при обострении многочисленных внутренних проблем – аграрного, национального, рабочего вопроса и т. п. Символом успеха или неудачи в войне, «символом владычества» для японцев стал Порт-Артур^[119]. В не меньшей степени он стал символом для тех, кто связывал надежды на его падение с революцией. «Кровавая судьба Порт-Артура, дни которого сочтены, – восклицал в августе 1904 г. редактор «Освобождения», – указывает не на Токио, а на Петербург. Там должна быть расплата, там ищите возмездия»^[120].

20 декабря 1904 г.(2 января 1905 г.) руководством гарнизона и Тихоокеанской эскадры было принято решение о сдаче Порт-Артура. 21 декабря 1904 г.(3 января 1905 г.) Николай II отметил в своем дневнике: «Получил ночью потрясающее известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов! Тяжело и больно, хотя они предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали все более того, что можно было предполагать»^[121]. 1(14) января 1905 г. император возвестил об этом стране Приказом армии и флоту. Он заканчивался словами: «Со всей Россией верю, что настанет час нашей победы и что Господь Бог благословит дорогие Мне войска и флот дружным натиском сломить врага и поддержать честь и славу нашей Родины»^[122]. Надежды оказались ложными.

Не очень популярный сегодня в России вожь большевистской партии был абсолютно прав, утверждая в январе 1905 г.: «Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»^[123]. И. В. Сталин в это время также не скрывал своей радости, считая, что наступило время сведения счетов с монархией: «Редют царские батальоны, гибнет царский флот, сдался, наконец, позорно Порт-Артур, – и тем еще раз обнаруживается старческая дряблость царского самодержавия»^[124]. Народная Россия, по словам Струве, была «разбужена от векового политического сна дальневосточной грозой»^[125]. В начале 1905 г. он предсказывал приход решающего момента и объединения всего общества против самодержавия^[126]. Вместе с внешним могуществом Империи под вопрос было поставлено и самое ее существование. «Самодержавие ослаблено. – Писал Ленин. – В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции»^[127].

Даже в подцензурной прессе стали возможны весьма резкие заявления: «Японские победы не составляют случайности, и военное счастье не перейдет на нашу сторону, пока общие условия русской жизни не изменятся к лучшему. Это сознание с необычайной ясностью овладело умами лучшей части нашего общества, побуждая желать скорейшего прекращения войны во имя истинного патриотизма, вопреки фальшивым воинственным возгласам людей, привыкших извлекать выгоды из бедствий народа и государства»^[128]. Настроения в стране и армии были весьма далеки от радужных. В Петербурге назревали грозные события. С 3(16) января на заводах шли забастовки. 6(19) января на Крещенском параде и водосвятии по случайности батарея выстрелила боевым шрапнельным снарядом по Зимнему дворцу. Никто не пострадал, но все же никто не мог с уверенностью сказать, не было ли случившееся результатом злого умысла^[129]. Новость о случившемся в столице быстро достигла Мукдена – среди офицеров она почти не вызвала возмущения. Всех интересовало, скоро ли будет заключен мир. Все чувствовали – в далекой России начинается что-то необычное, важное и большое^[130].

Император покинул столицу, отправившись в Царское Село. 9(22) января 1905 г. «Кровавое воскресенье» отметило начало первой русской революции. По официальной версии толпы народа отправились вручать петицию, в текст которой были внесены «дерзкие требования политического свойства», на Высочайшее Имя. Результатом были столкновения с войсками. К вечеру 9(22) января насчитали 76 убитых и 233 раненых, через сутки – 96 убитых и 333 раненых^[131]. Количество убитых росло – умирали раненые. Правительство шло по знакомому пути. С одной стороны, оно демонстрировало силу – 11(24) января была утверждена должность Петербургского генерал-губернатора с огромными полномочиями^[132]. На этот пост был назначен человек, имевший репутацию решительного военного – Свиты ген.-м. Д. Ф. Трепов^[133]. 14(27) января к пастве с увещеваниями и призывами к повиновению властям обратился Синод русской православной церкви^[134].

19 января(1 февраля) император принял в Царском Селе делегацию рабочих и «осчастливил» ее «милостливыми словами». Их смысл сводился к призывам прекратить бунты, выйти на работу, не предъявлять недопустимых требований. Среди прочего было обещано: «В попечениях Моих о рабочих людях озабочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд. Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их Мне, а потому прощаю им вину их»^[135]. Членов делегации после такого приема ждало угощение и распечатанная речь Николая II. После этого их отправили на специальном поезде в Петербург^[136]. Даже столь щедрый поток монарших милостей не мог переломить развития кризиса. Реакция органа либералов была вполне революционна: «Речь царя просто нетерпима. Это провокация. Это – бомба, изготовленная самим царем и могущая во всякий момент разорваться и разнести престол»^[137].

4(17) февраля 1905 г. был убит Великий Князь Сергей Александрович^[138]. С 1891 г. он занимал пост Московского генерал-губернатора, а 1(14) января 1905 г. был смещен по своей просьбе и назначен Главнокомандующим войсками Московского Военного округа^[139]. Страна

погружалась в хаос. Правительство по-прежнему надеялось на победу над внешним врагом, которая позволит добиться перелома и в борьбе с внутренним неприятелем. 10(23) февраля Великого Князя отпевали в Москве^[140]. В тот же день Кронштадт провожал на Дальний Восток эскадра контр-адмирала Н. И. Небогатова. Это была последняя надежда, устаревшие корабли. При прощании звучали слова, значение которых вскоре приобретет другой, зловещий смысл: «Порт сроднился с ними и никогда никому в голову не приходило, что ему придется прощаться, быть может, навсегда, со своими защитниками. Говорят, что броненосцы береговой обороны останутся навсегда на Востоке»^[141]. 18 февраля(3 марта) 1905 года был подписан Манифест «О призыве властей и населения к содействию Самодержавной Власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуты внутренней»^[142]. Он был опубликован в тот же день.

Сообщая об убийстве Сергея Александровича, император призывал подданных сплотиться вокруг трона^[143]. Роли поменялись. Теперь уже монарх призывал общественность к диалогу, предлагая ей проект законосовещательной, так называемой «Булыгинской» Думы. Рескрипт министру внутренних дел А. Г. Булыгину был подписан императором в один день с Манифестом, 18 февраля(3 марта) 1905 года, но опубликован на следующий день^[144]. В войсках на Дальнем Востоке о нем узнали на финальном этапе сражения под Мукденом. «Вестник Маньчжурских армий» опубликовал его 21 февраля(6 марта): «Преемственно продолжая царственное дело венценосных предков Моих – собирание и устройство земли Русской, Я вознамерился отныне с Божьей помощью привлекать достойнейших, доверием народа обремененных и избранных от населения, – людей к участию в предварительной разработке и к обсуждению законодательных предположений»^[145].

Призывы к единению в стране, как известно, не подействовали. Вынужденный характер манифеста и рескрипта был очевиден и потому в действенность их не верили^[146]. Что касается армии, то подъема в ней эти новости не вызвали, особого внимания – тоже. Значительная часть офицерского корпуса к этому времени по политическим настроениям была уже в той или иной степени близка интеллигенции (сохраняя при этом корпоративный дух и верность Присяге), что касается солдат, в абсолютном большинстве – крестьян, то их интересовало что угодно, только не судьба представительных органов и перспектива разделения властей. Крестьян легко можно понять, так как мир и земля составляли основу их жизни. Деревня задыхалась от аграрного перенаселения, крестьянство жаждало осуществить «черный передел». Никакие последующие реформы не изменили эти настроения. Аграрный вопрос остался гвоздем русской революции и в 1905, и в 1917 годах, а стихийный экспроприатор победил в русском крестьянине стихийного монархиста. Впрочем, как оказалось впоследствии, и экспроприации не смогли решить остроты земельного голода, а непримиримые противоречия в деревне не были сняты с повестки дня разделом имевшегося фонда помещичьей, монастырской, дворцовой и пр. земли «по едокам».

Что касается русского общества, то в 1905 году оно решительно впало в затяжную истерию предъявления власти всевозможных счетов за прошлое и не желало с нею никакого диалога. Тем самым оно копало могилу всей исторической России, а значит, и себе. Студенты, освиставшие В. О. Ключевского в 1905 г. за призыв к учебе и деполитизации университетов, и пережившие последующие 13 лет, станут в 1918 г. социальной мишенью «красного террора». Диалог трона и общества без посредников в 1905 г. не состоялся. В стране шла необъявленная гражданская война, и только верность кадровой армии была надежной опорой правительства. Ситуация требовала поиска выхода из кризиса.

Николаю II так и не удалось стать вторым Николаем. Колеблясь между введением военной диктатуры и уступками, он в конце концов выбрал последнее. 17(30) октября 1905 г. был подписан манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», предоставлявший законодательную власть Государственной Думе^[147]. Итак, долгожданный многими посредник

между царем и народом появился, но его дебют был далеко не удачен. Во-всяком случае, диалог власти и общества по-прежнему отсутствовал. Государственная Дума первого созыва убедительно доказала это за 72 дня своего существования.

Американский посол в России Дж. фон Мейер, находясь под впечатлением действий «первого русского парламента», счел необходимым в личном письме президенту Т. Рузвельту поделиться с ним своей оценкой ситуации: «Россия вступает в великий эксперимент, плохо подготовленная и необразованная... Я не могу не смотреть в будущее с пессимизмом, когда вижу повсюду среди рабочих и крестьян признаки коммунистических настроений... Конечно, я не считаю, что крах произойдет немедленно, но рано или поздно борьба... между Коронай и Думой... более чем возможна. Сегодня правительство контролирует финансы и армию, но через три года вся армия будет пропитана новыми идеями и доктринами, которые проникают в умы людей, и кто после этого скажет, сможет ли правительство тогда рассчитывать, что войска будут подчиняться офицерам и подавлять беспорядки»^[148]. Этот прогноз оправдался, правда, не через три года.

Как известно, у победы 100 отцов, а поражение – круглая сирота. Вопросы о причинах войны и поражения в ней России стали задавать уже современники, они же предложили и первые варианты ответов. Пожалуй, самый значительный вклад внесли С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткин. Естественно, что каждый из высокопоставленных мемуаристов стремился снять с себя ответственность за случившееся, один – за внешнеполитическую, другой – преимущественно за военную составную неудач. Многие из сформулированных еще до революции 1917 г. версий со временем стали традицией.

Без сомнения, самым удачным мифотворцем был С. Ю. Витте. Это была непростая фигура. Витте, был, безусловно, выдающимся государственным деятелем, но масштаб его личности мешал ему достичь высоты, откуда четко видна разница между интригой и политикой. «Он был, – отмечал его явный поклонник П. Б. Струве, – по натуре своей беспринципен и безидеен»^[149]. Не страдая нарциссизмом, а явно получая от него удовольствие, он вложил личные особенности и в персональную версию истории русско-японской войны. Это история триумфов в те периоды, когда страной давали править автору воспоминаний, и поражений, когда он оказывался не у дел. Сергей Юльевич спокойно относился к фактам, «подчиняя их своим воображениям и даже свободно их изобретая»^[150]. Фальшь и безжизненность такой конструкции была очевидна сразу, несмотря на несомненные таланты ее автора.

«Бюрократический Петербург хорошо знал С. Ю. Витте, – отмечал его современник и критик, – и характеризовал его всегда так: большой ум, крайнее невежество, беспринципность и карьеризм. Все эти свойства отразились в воспоминаниях Витте как в зеркале»^[151]. Набор этих свойств, по мнению гр. В. Н. Коковцова, отразился довольно обычным и даже тривиальным образом: «Самовозвеличивание, присвоение себе небывалых деяний, похвала тем, чего не было на самом деле, не раз замечались людьми, приходившими с ним в близкое соприкосновение, и часто это происходило в такой обстановке, которая была даже невыгодна самому Витте»^[152].

Это отнюдь не означает, что Витте сухо следовал избранной им простой схеме. В защите и возвеличивании себя он был весьма человечен и изобретателен. Как отмечал один из его критиков: «Он умеет, как мы видели, и любить людей, прощая им прегрешения (напр. вел. кн. Алексея Александровича) и, в особенности, ненавидеть их (как Александра Михайловича, Алексеева и т. д.), жертвуя в угоду ненависти даже... истиной»^[153]. Пожалуй, Витте имел бы все шансы сохранить образ выдающегося государственного деятеля, не обладай и не прояви он в своих мемуарах этого весьма характерного для него качества.

Впрочем, поступить по-другому он, судя по всему, не мог. «Вообще в основе отношений Витте к людям, – отмечал В. И. Гурко, – было глубокое презрение к человечеству. Черта эта не мешала ему быть по природе добрым и отзывчивым человеком»^[154]. Думается, прав был другой

современник графа, отмечавший в далеком и от нас, и от его смерти 1951 году: «К несчастью для своей репутации, Витте оставил свои мемуары, богатейший и в общем довольно правдивый материал о русском прошлом; но вместе с тем они обнажают его неискоренимую вульгарность (курсив авт. – А.О.): дышат личной злобой против Государя, уволившего Витте от власти, и ненавистью Витте к Столыпину, успешно его заменившему. Для людей революционного лагеря Витте остался все же только «царским временщиком», не больше – следовательно, врагом. Людей же, относящихся к нашему прошлому спокойно или даже положительно, эти черты мемуаров Витте отталкивают»^[155].

Возможно, именно по причине вульгарности и схематизма, сдобренного изрядной толикой цветастых вымыслов, переплетенных с правдой, в зеркале советской историографии Сергею Юльевичу несказанно повезло – его отражение там часто преображалось в нечто весьма и весьма привлекательное и потому определившее оценки многих исследователей на целые десятилетия. В иных научных сообществах культ личности Витте превратился, наконец, в нечто подобное центру языческого капища какого-нибудь клана, где не проявленная любовь к идолу уже является наказуемым деянием. Между тем и любовь, и ненависть – слишком сильные эмоции для исторического анализа. Впрочем, это уже другая история.

Поражение требует логичной версии случившегося. Одно из самых примитивных (и по той же причине распространенных) объяснений случившегося в 1904–1905 гг. на Дальнем Востоке – почти полное незнание Японии и японцев в России накануне войны, шапкозакидательские настроения и т. п. Естественно, Витте приложил руку и к этому мифу. По очевидным причинам он устраивал и противников Сергея Юльевича. На этой версии сходились многие. Очевидно, недооценка потенциального противника ввиду отсутствия информации о нем – гораздо более простительная для общественного мнения причина поражения, чем отсутствие желания или умения вовремя принять решение, основанное на вполне верном и надежном знании об опасном соседе.

На самом деле, источников о Японии в России хватало с избытком. Причем с самых первых контактов с жителями островов и их культурой знатоки отзывались о них с явным уважением и симпатией^[156]. Страна восходящего солнца отнюдь не находилась вне сферы внимания русского общества и прессы. Русская военная печать, например, уделяла Японии немало внимания, начиная еще с 60-х годов XIX века. Но особенно активной она стала в период между 1895 и 1904 годами. В эти 10 лет количество публикаций о японских армии и флоте весьма зримо увеличилось, что не удивительно. Рост вооружений Японии был хорошо известен, качество ее Вооруженных сил – безусловно, опасность, исходившая от них – очевидна. Островная империя на рубеже веков рассматривалась как один из потенциальных и к тому же весьма серьезных противников России в регионе^[157]. Военные журналы не были исключением – информация регулярно появлялась и в далекой от армии и флота печати. «Вестник Европы», например, отмечал небывалый рост промышленности, торговли, журналистики и литературы. Редакция этого органа регулярно получала 3 ежемесячных иллюстрированных журнала из Японии^[158].

Не удивительно и другое. На рубеже XIX и XX веков значительное усиление русской армии и флота на дальневосточном направлении было последовательным и системным. После длительного перерыва русская политика на берегах Тихого океана активизировалась при Николае I, и эта активизация в известной мере была вынужденной. Фатальное ослабление Китая вследствие внутреннего кризиса и опиумной войны привело к подвижкам, ставившим под угрозу отдаленные русские владения. Речь шла об обороне. Крымская война продемонстрировала, что опасения не были беспочвенными. Окраины империи были слишком далеки и слабо прикрыты, но защищать их все же было необходимо. Прекрасно и образно описал это Константин Симонов:

Уж сотый день врезаются гранаты
В Малахов окровавленный курган,
И рыжие британские солдаты
Идут на штурм под хриплый барабан.
А крепость Петропавловск-на Камчатке
Погружена в привычный мирный сон
Хромой поручик, натянув перчатки,
С утра обходит местный гарнизон^[159].

Приобретенное при Николае I в Азии закрепили и расширили при Александре II, хотя от части владений на Тихом океане пришлось расстаться. Усилившееся после польского мятежа 1863–1864 гг. противостояние с Англией и необходимость сосредоточиться на реформах привела к отказу от владений в Северной Америке. 18(30) марта 1867 г. в Вашингтоне был подписан договор об уступке США Русской Америки (Аляски и Алеутских островов)^[160]. Удерживать территории русской Америки при наличии огромной границы с британской Канадой, при том, что только береговая линия Аляски тянулась почти на 6 тыс. верст, было весьма проблематично^[161]. К середине 50-х гг. здесь проживало около 10 тыс. чел., из которых только 600–700 были русскими (из них 200 человек гарнизона Ново-Архангельска)^[162]. К середине 60-х гг. XIX в. количество жителей Аляски выросло до 17 800 чел., из которых русские, финляндцы и иностранцы европейского происхождения составляли 800 чел.^[163]. Иногда давалась и более впечатляющая цифра населения – 50 тыс. чел., но она не была ни на чем основана^[164].

Россия уступала 1519 тыс. кв. км. за 7,2 млн. долларов золотом^[165]. Сделка была названа в Петербурге обоюдно-выгодной. От нее ожидали развития торговли на берегах Тихого океана, столь необходимой для освоения Сибири^[166]. 7(19) октября 1867 г. состоялся акт передачи власти в русской Америке представителям властей США^[167]. Полученные от сделки средства поступили в образованный в том же 1867 г. внебюджетный железнодорожный фонд, на средства которого казна стимулировала (хоть и не вполне удачно) строительство железных дорог в стране^[168].

Следующий этап активизации русской политики на Дальнем Востоке выпал на царствование Александра III. Еще в мае 1882 г. император принял решение о необходимости ускоренного решения вопроса о строительстве железной дороги в Сибирь^[169]. Очередной виток русско-британского противостояния в Средней Азии и на Балканах опять продемонстрировал опасную слабость отдаленных владений на берегах Тихого океана. В 1886 г., после преодоления Кушкинского и Болгарского кризисов вызревает решение о начале строительства Сибирской железной дороги, которая должна была соединить Владивосток с Челябинском. Техническая и финансовая подготовка к началу осуществления этого гигантского проекта затянулась до 1891 г.^[170]

Во всех этих трех этапах сам Дальний Восток не играл значительной роли, он был лишь одним из тех факторов, которые необходимо было учитывать при обострении отношений с традиционным противником от Балкан до Афганистана и Китая. По мере строительства Транссиба менялись и обстоятельства на Дальнем Востоке и настроения в Петербурге. Преемник Александра III находился под сильнейшим влиянием идей навализма и искал возможность обретения выхода в Мировой океан. Строго говоря, на Дальнем Востоке у России такой выход имелся – это была одна из лучших незамерзающих гаваней мира – Петропавловск-Камчатский. Однако его расположение, исключавшее возможность проведения железной дороги, делало тогда невозможным превращение города в русскую военно-морскую базу.

Не идеальной была и морская позиция порта на Камчатке – в северном сегменте Тихого океана, вдали от основных торговых путей и стратегически важных пунктов и коммуникаций. Оставался Владивосток, но данная позиция с самого начала не полностью устраивала русских

моряков. Порт был расположен в закрытом море и замерзал на несколько месяцев в году. Поначалу это не было непреодолимым препятствием, и выход был найден в обретении стоянки в Японии. Впрочем, это было паллиативное решение. По мере усиления России на Дальнем Востоке на глазах у современников море, у берегов которого расположился город со столь программным названием – Владивосток, превращалось в Японское не только по названию, но и по сути.

Одно исключало другое. Японо-китайская война продемонстрировала это в полную силу. В своем докладе императору от 2 октября 1894 г. русский военный агент в Китае и Японии полк. К. И. Вогак довольно точно отметил: «Путь, который наметила Япония, – первенствовать на Тихом океане»^[171]. О каком владении Востоком Россией могла бы идти речь при выполнении этой программы? В понимании такой опасности и кроется причина решения Петербурга о вмешательстве в японо-китайский конфликт и в требовании пересмотра условий Симоносекского мира. После этого русско-японскому сотрудничеству приходит конец. По сути дела на Дальнем Востоке начинается русско-японская гонка вооружений. Следует отметить, что она шла не только на передовых рубежах. В 1899 г. для укрепления тылов существующего Приморского Военного округа и Квантунской области за счет слияния Иркутского и Омского Военных округов был создан Сибирский Военный округ, который должен был стать тылом русских позиций на Дальнем Востоке^[172].

Результат многолетней работы по увеличению русского военного присутствия был очевиден. Вместо небольшой эскадры, нацеленной на крейсерскую войну, а значит обреченной на скорую гибель – полноценный линейный флот, претендующий на контроль над морем (7 эскадренных броненосцев против 6 японских; 4 броненосных крейсера против 8 японских)^[173]. Силы армии в Приморье и Приамурье выросли с 30,5 батальонов, 5 рот, 9 местных команд, 33 сотен (30 506 чел.) и 74 орудий в 1894 г. до 108 батальонов, 8 инженерных рот, 66 сотен и эскадронов (около 100 тыс. чел.), 168 полевых, 24 конных и 12 горных орудий^[174]. До 1898 года высшими тактическими единицами здесь были бригады, а штаб Приамурского округа не был подготовлен к формированию штаба армии. После 1898 г. высшей тактической единицей стал корпус, а штаб округа приступил к подготовке формирования штаба армии^[175].

По оценкам британцев, имевшиеся у России на Дальнем Востоке силы позволяли решать исключительно оборонительные задачи, во-всяком случае, на первом этапе войны^[176]. Соединившая регион с Россией железная дорога и организационная подготовка позволили в ходе военных действий развернуть Манчжурскую армию в огромную группировку (на 10(23) марта 1905 г. на Сыпингайских позициях числилось 455 470 чел. и 1 129 орудий)^[177]. Траты на оборону Приморья в 1889 г. равнялись всего 92 250 руб. Расходы на подготовку армии к возможному конфликту с Китаем и Японией в 1896–1900 гг. составили 33 млн руб., от 6 до 7 млн. ежегодно. Траты на оборону Тихоокеанского побережья за тот же период достигли 3 750 000 руб., от 800 до 470 тыс. руб. ежегодно^[178]. Разумеется, этого было недостаточно, но Россия попросту не могла позволить себе большего.

Тем не менее, подобный рост вооружений никак не свидетельствовал в пользу справедливости утверждений о невнимании к Дальнему Востоку, шапкозакидательстве, недооценки и непонимания потенциального противника и пр., и др. С другой стороны, война, о неизбежности которой так долго говорили и в Петербурге, и в Порт-Артуре, пришла внезапно. Конечно, все долгожданные события приходят неожиданно. Очевидно, такова их природа. Но с другой стороны, нельзя не отметить, что Петербург пребывал в какой-то странной уверенности в том, что неизбежная война начнется только по воле России, и Япония не решится взять в этом вопросе инициативу на себя. И это очевидное заблуждение разделялось многими. Слушатели Николаевской академии Генерального штаба, например, не верили «... в близкую возможность войны с Японией. Нашему воображению эта островная империя рисовалась каким-то игрушечным миниатюрным государством... Нас подавляли исполинские размеры собственной страны

и поэтому маленькие острова казались для нас неопасным соседом, который вряд ли осмелится вступить в военное единоборство со страной-великаном»^[179]. Подобная уверенность лежала в основе принятия политических решений. 26 января (8 февраля) 1904 года, через день после того, как Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, Николай II записывает в дневнике: «Утром у меня состоялось совещание по японскому вопросу; решено не начинать самим»^[180].

В результате, как отмечалось в одной шуточной послевоенной поэме:

Хотя и было всем известно,
Что нам войны не избежать,
Но говорилось повсеместно,
Что ей, конечно, не бывать...
«О нет... – твердили мы лукаво,
Забывши прежние грехи. —
Япошки слишком слабы, право,
С Россией шутки ведь плохи...»^[181]

Были, конечно, исключения – накануне войны некоторые издания не колеблясь называли Японию Великой Державой, которой есть чем подтвердить свои требования^[182]. Но эти заявления не были типичными. Недооценка потенциального противника всегда ведет к печальным результатам. Данный случай – не исключение. По другому и быть не могло. Россия разбрасывала свои силы по разным направлениям, в результате она оказалась не в состоянии добиться решающего превосходства на каждом в отдельности. Это была гигантская ошибка, цена которой не поддается переоценке. То, что произошло, требует понимание свершившегося, как катастрофы. Многие предпочитают уклоняться от этого. До сих пор актуальны слова одного из первых исследователей этой войны, прозвучавшие еще в 1908 г.: «Мало того, многие до сих пор повидимому убеждены, что мы нисколько не виноваты в разразившейся катастрофе на Дальнем Востоке, что мы не преследовали политических захватов, что не мы, а все остальные державы вплоть до «коварной» Японии одержимы недугом стяжания. Убаюкивая себя прекрасными словами, мы рискуем и на этот раз остаться в приятном заблуждении относительно той печальной истины, насколько мы обязаны всем случившимся самим же себе»^[183].

Русская стратегия конца XIX столетия вообще отличалась последовательной неспособностью к концентрации сил на решающем направлении, что делало невозможным использование сильных сторон природы Империи. Ни одна империя не может быть сильной одновременно на всех направлениях своих интересов. Противостояние по всему периметру границ – смертельная опасность Великих Держав. В начале XX века Россия не избежала ее, а далеко не идеальная модель управления армией и флотом исключила возможность победного выхода из кризиса. Для ответа на вопросы о причинах случившегося необходима контекстуализация исторического факта, понимание того, каким был фон принятия решений на Певческом мосту, под аркой Главного штаба, шпиком Адмиралтейства или в Зимнем дворце. Причина принятия решений и природа поражений на Дальнем Востоке – вот то, что является главной темой этой книги. Надеюсь, она найдет своего читателя.

В заключение хотел бы поблагодарить моих друзей и коллег за постоянную помощь и поддержку, которые были мне существенным подспорьем при написании этой книги. Спасибо за все!

Часть 1. Внешнеполитическая предыстория

Глава 1. Дальний Восток во внешней политике России в середине XIX века

После Нерчинского договора 1689 г., в результате которого Россия вынуждена была пойти на значительные уступки в территориальном разграничении в Приамурье под давлением Китая, в русском продвижении в данном регионе наступил длительный перерыв в русской политике. Время перемен пришло в середине XIX века. Поначалу изменения были вынужденными.

В 1839 г. Англия развязала против Китая т. н. «опиумную» войну, защищая право своих подданных продавать подданным китайского императора опиум, который в массах производился в британской Индии. Значительное превосходство в силах, прежде всего на море (китайские военные джонки и береговая артиллерия устарели и были практически безвредны для британских кораблей, очищавших берега для десанта), определило исход войны^[184]. 29 августа 1842 г. война завершилась подписанием Нанкинского договора, по которому Пекин согласился передать Лондону остров Сянган (Гонконг)(ст.3), обязывался компенсировать стоимость уничтоженного в таможнях британского опиума на сумму 6 млн. долларов (ст.4), выплатить контрибуцию в 12 млн. долларов (ст.6), компенсировать английским купцам потери на 3 млн. долларов и открыть для английской торговли 5 портов – Сямынь (Амой), Фучжоу, Нинбо, Шанхай и Гуанчжоу (Кантон), где открывались британские консульства (ст.6). Закрытая до сих пор «Поднебесная империя» открывалась для британской торговли, в том числе и опиумом^[185].

Нанкинский договор стал весьма тяжелым бременем для Китая, переживавшего полосу острого внутреннего кризиса – антиманчжурского движения, известного как восстание тайпинов. Массовое проникновение иностранцев в страну лишь усиливало этот кризис. В результате китайские власти стремились если не отменить, то саботировать Нанкинские договоренности. В июне 1856 году на юге Китая в Кван-си был арестован и после длительных пыток обезглавлен французский миссионер. Используя нежелание властей начать расследование, в октябре 1856 г. Англия начала вторую «опиумную» войну. В 1857 г. к ней присоединилась Франция. Это было чрезвычайно своевременно – англичане испытывали постоянный недостаток в военной силе в связи с невозможностью задействовать войска из Индии, где весной 1857 началось восстание сипаев^[186].

В этой обстановке Россия также активизировала свои действия на Дальнем Востоке, однако предпочитала военным действиям мирные. Амур к этому времени считался китайским, его устье, по мнению европейских картографов, терялось в песках, а Сахалин по той же причине виделся полуостровом. Интересы русской политики на Дальнем Востоке долгое время ограничивались защитой промыслов пушного зверя в Охотском море. Этим в первую очередь и должен был заниматься назначенный в сент. 1846 г. генерал-губернатором Восточной Сибири ген. Н. Н. Муравьев^[187]. В 1846 г. бриг русско-американской кампании «Константин» вышел из Охотска с целью исследования низовья Амура. Результаты были обескураживающими для моряков и обнадеживающими для канцлера графа К. В. Нессельроде, который был категорически против активизации в этом регионе. Министр доложил императору, что Амур недоступен для судов в нижнем своем течении, и что Сахалин является полуостровом. Резолюция Николая I была строгой: «весьма сожалею; вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить»^[188]. Ситуация изменилась с отправлением в августе 1848 г. Петропавловск-Камчатский транспорта

«Байкал» под командованием кап. 1-го ранга Г. И. Невельского. В мае 1849 «Байкал» пришел в Авачинскую губу^[189].

Весной 1850 г. экспедиция Невельского проникла в устье Амура и основала здесь русский опорный пункт – Николаевский пост. Невельский рисковал, совершая этот поступок без санкции свыше, его действия не получили поддержки Нессельроде, но в конечном итоге он был поддержан императором^[190]. Николай I изложил свою позицию просто: «Где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен»^[191]. В любом случае – приход России на Амур не сопровождался столкновениями. В мае 1853 г. на предложение Великобритании поддержать действия англичан в Китае силой последовал вежливый отказ^[192]. Но владения Китая и России на Дальнем Востоке не были разграничены, что создавало опасность захвата Сахалина или Приморья третьей державой.

Генерал-губернатор и командующий войсками Восточной Сибири ген.-л. Н. Н. Муравьев еще весной 1853 г. подал Николаю I записку, в которой предлагал поручить решение вопроса о разграничении местным властям. Это предложение получило одобрение императора в начале 1854 г., приказавшего: «Чтобы при этом не пахло пороховым дымом»^[193]. 7(19) сентября 1853 года на корабле «Николай I» с 73 матросами и 3 офицерами к берегам Сахалина отправился Невельский. Высадившись на юге острова в бухте Анива, он заложил здесь русское укрепление и объявил остров русским владением^[194]. В апреле 1854 г. Муравьев организовал переброску войск по Амуру для усиления русских гарнизонов в низовье этой реки и на побережье Охотского моря. Русское присутствие в этом районе заметно активизировалось. Что было особенно важно ввиду угрозы со стороны англичан и французов^[195]. 11(23) мая 1854 г. русская флотилия вошла в воды Амура, вновь после XVII века начав освоение берегов этой реки^[196].

В 1855–1856 гг. переброска сил по Амуру продолжилась. Экспедиция значительно укрепила позиции России в регионе, и по окончании военных действий на Дальнем Востоке Муравьев приступил к переговорам с китайцами в сентябре 1855 г. Генерал-губернатор изначально исходил из того, что будущая граница между двумя государствами должна была в значительном своем протяжении пройти по Амуру, с чем поначалу решительно не соглашался Пекин. Кроме того, еще накануне Крымской войны в Китай и Японию была отправлена миссия во главе с вице-адмиралом графом Е. В. Путятиным. Он должен был сохранить сухопутную торговлю с Китаем и положить начало морской торговле с Китаем и Японией^[197]. Попытки проникнуть в последнюю страну предпринимались со второй половины XVIII века, при Александре I были предприняты и попытки установить дипломатические отношения, однако положительных результатов они не имели^[198]. В 1821 г. было принято решение прекратить эти попытки, а японцев, потерпевших крушение на море и спасшихся на русских берегах, высаживать на Курилах, чтобы туземцы могли помочь подданным японского императора вернуться на родину^[199]. Последний раз попытка вернуть таких людей в страну Восходящего Солнца была предпринята в 1852 г., когда барк «Князь Меншиков» попытался доставить их в порт Симода. Попытка не увенчалась успехом, и японцев пришлось высадить на берег в 5 милях от порта^[200].

Параллельно с Путятиным действовала американская эскадра commodora М. К. Перри, добивавшаяся тех же целей более энергичными силовыми методами^[201]. Прибыв в 1854 г. в Нагасаки, Путятин приступил к переговорам. Они начались непросто. Японцы поначалу настаивали на соблюдении унизительного этикета приема европейцев – они должны были высаживаться на берег только на японских лодках, входить на прием босиком, стоять во время переговоров и т. п. Путятин категорически отказался и настоял на своем, и переговоры заметно ускорились^[202]. «Соображаясь с Высочайшей волею в Бозе почившего Государя Императора, и данной от Министерства Иностранных дел инструкцией, – отчитывался по возвращению в Россию адмирал, – я начертал себе систему действий с сношениях с этим народом, в основание которой принял кроткое и дружеское с ним обращение, снисходительное исполнение тех законов и обычаев страны, которые не противны были достоинству нашей нации и моего зва-

ния, и твердую, спокойную настойчивость в переговорах по возложенному на меня поручению. Следуя неуклонно этой системе по мудрому указанию Монарха, до последнего дня моего пребывания в Японии, я имел счастье достигнуть желаемой цели, не только ни разу не нарушив доброго между мною и японскими властями согласия, но установил оное на прочных основаниях, смею думать и надолго вперед»^[203].

Путятин действовал весьма энергично и умело^[204]. Не смотря на это, посещение русских кораблей поначалу сопровождалось небольшими эксцессами – японские чиновники при малейшей возможности стремились ограничить свободу перемещений иностранцев в их стране^[205]. В целом, атмосфера русско-японских контактов была все же доверительной и дружественной^[206]. В результате 7 февраля 1855 г. в Симодо был подписан первый русско-японский договор о торговле. России предоставлялся режим наибольшего благоприятствования в торговле с Японией. Между двумя государствами устанавливались «постоянный мир и искренняя дружба», их подданные пользовались покровительством и защитой властей, граница между странами проводилась между островами Итуруп и Уруп, причем первый отходил к Японии, а второй и все остальные Курильские острова – к России. Остров Сахалин объявлялся совместным владением государств, а Япония открывала для русской торговли ряд своих портов^[207].

В 1858 г. было принято решение начать разработку каменного угля на Сахалине на нужды Тихоокеанской эскадры. Это вызвало желание укрепить за Россией весь остров. Попытки добиться этого от японцев закончились неудачно, Токио категорически не хотел идти на уступки, предлагая раздел по 50-й параллели. В результате решение судьбы Сахалина было отложено на будущее^[208]. 19 августа 1858 г. был заключен договор в Иеддо (совр. Токио), подтвердивший условия Симодского соглашения и увеличивший количество открытых японских портов для русских подданных, которые получали права покупать и арендовать там здания и земли. Устанавливалась низкая 5 % таможенная пошлина на основные товары, ввозимые из России в Японию – лес, каменный уголь, металлы, оружие, паровые машины и др.^[209]. Высокие пошлины вводились только для спиртных напитков (35 %). Это были весьма выгодные для России условия, так как в это время товары, ввозимые в Японию из Англии и Франции, обкладывались сбором в 20–35 %^[210]. Японские подданные также получали право свободной торговли в России. Эти равноправные соглашения европейского государства с азиатским были достигнуты на фоне второй «опиумной войны».

Военные действия первоначально велись на юге Китая, в районе Гонконга, Кантона и Шанхая, но в 1858 г. были перенесены на север. 20 мая 1858 г. союзники взяли форт Таку, прикрывавший подходы к морским воротам китайской столицы – Тяньцзиню. 26 мая англо-французский десант взял и этот порт, где 4 июня были подписаны Тяньцзиньские договоры Китая с Англией и Францией. Китай вновь выплачивал контрибуцию и расширял количество портов, открытых для торговли с иностранцами^[211]. Россия категорически выступила против торговли опиумом и отказалась присоединиться к требованиям союзников, предпочитая двусторонние русско-китайские соглашения. Таковы были инструкции, данные Путятину еще Николаем I. Этот курс был продолжен и его преемником^[212]. Военные неудачи и поддержка, оказанная Россией во время второй опиумной войны и Тяньцзинских переговоров, где посредником выступал адмирал Путятин, оказали влияние на позицию Пекина в отношении пограничного разграничения с Россией^[213].

16(28) мая 1858 г. в гор. Айгун на правом берегу Амура ген. Н. Н. Муравьевым и князем И-Шанем был подписан русско-китайский договор. Левый берег Амура от реки Аргунь до берега моря переходил к России. Граница между государствами проводилась по Амуру вплоть до р. Уссури. Вопрос об Уссурийском крае оставался открытым, он объявлялся совместным владением Цинской и Российской империй. Реки Амур, Уссури и Сунгари открывались только для русского и китайского судоходства. Оба государства обязались оказывать покровительство общей торговле на обоих берегах Амура, манчжурскому населению, жившему на левом

берегу Амура, разрешалось остаться на жительство «под ведением манчжурского правительства»^[214]. Манчжуров здесь было довольно много, но встречались и китайские деревни – на Амур и Уссури ссылались преступники^[215]. Китайцы сами ослабили свое присутствие в этом регионе, выселяя земледельцев в глубь Манчжурии^[216]. 1(13) июня 1858 г. адмиралом Путятиным, Хуа Шаном и Гуй Ляном был подписан Тяньцзинский договор о дружбе и торговле, предоставлявший России права не только сухопутной, но и морской торговли в Китае^[217].

Эти колоссальные успехи были результатом движения пары канонерок, нескольких пароходов и барж и двух батальонов – 13-го и 14-го линейных сибирских, не сделавших ни одного выстрела по китайцам за все время экспедиции. Солдаты во основном использовались как рабочая сила – они помогали селиться по Амуру от Усть-Стрелки в Забайкалье до устья реки Хингана(980 верст) русским переселенцам. Это были 450 семейств из состава Забайкальского казачества^[218]. Казаки-забайкальцы, переселенцы из числа государственных крестьян из губерний Европейской России, снимавшиеся с насиженных мест по причине малоземелья и солдаты гарнизонных батальонов – вот 3 категории, которыми осваивали Амур и Дальний Восток^[219]. Это было тяжелое освоение – крестьянам из Вятской, Пермской, Тамбовской и Воронежской губернии приходилось по 2 года добираться до назначенных к расселению мест, отстоявших от начала пути переселенцев на расстояние до 10 тыс. верст. За 10 лет после приобретения Амура на его освоение было потрачено около 30 млн. рублей, а между тем успехи были весьма скромными^[220].

Результаты миссии Путятина вызвали значительное разочарование в Пекине. «Нельзя не признаться, – отметил после подписания договора выдающийся русский синолог и глава духовной миссии в Пекине в 1850–1859 гг. архимандрит Палладий, – что мы значительно сбавили своего влияния в глазах Китайского Правительства. Сначала оно думало, что мы можем употребить посредничество, но не хотим; но убедилось, что не можем, если бы и хотели, – мы оказались слабыми в сравнении с другими европейцами, действия наши бросили тень на нашу политику, китайцы могли понять, что мы, благодаря неопределенным обещаниям своим, получаем от них, чего требуем, не давая взамен ничего. Но об этом не стоит думать, для китайцев политика в том и состоит»^[221]. Единственным спасением ситуации, по мнению главы русской духовной миссии, было немедленное выполнение обещаний по отправке в Китай из России оружия^[222]. После заключения договора «в дар» китайскому правительству из Сибири было предложено 10 000 нарезных ружей, 60 крепостных орудий с боеприпасами и инструкторы^[223]. Оружие было направлено к русско-китайской границе^[224], однако Пекин быстро утратил интерес к этому вопросу и не проявлял его вплоть до 1860 года^[225]. Семьи переселенцев-казаков начали осваивать новую границу протяженностью 1137 верст и в будущем именно они стали основной конной стражи в горных районах и пешей – на равнине^[226].

4 июля 1858 Тяньцзинские договоры были утверждены китайским императором, но в июле 1859 г. французский и британский посланники не были допущены в Пекин. 25 июля англо-французская атака на Таку провалилась. На реке Пейхо корабли наткнулись на подготовленные преграды и понесли потери от огня артиллерии^[227]. Продолжение войны стало неизбежным. Военные действия возобновились. 8 090 английских, 4 200 индийских, 7 650 французских солдат при поддержке союзного флота заняли ряд островов, Ляодунский полуостров, порт Чифу, Таку, а 23 августа 1860 г. – Тяньцзинь. Войска союзников подошли к Пекину, 21 сентября император Сяньфен вместе со двором покинул столицу. 6 октября была занята загородная резиденция богдыхана – дворец Юан-мин-юань. 24 октября 1860 г. союзники вошли в Пекин^[228]. Особого сопротивления китайские войска не оказывали. Даже императорская гвардия – «желтое знамя» – покинула стены столицы при появлении англо-французских частей. Несмотря на многочисленные заявления китайской стороны о том, что захваченные ранее 26 союзных парламентариев содержатся в хороших условиях, живыми было возвращено только 13 человек. Явные свидетельства пыток носили на себе и они, и 13 возвращенных трупов. В ответ

англо-французское командование приняло решение сжечь Юан-минь-юань (поскольку парламентариев пытали именно в этом дворце), потребовало заплатить компенсацию семьям пострадавших и сурово наказать виновников случившегося^[229].

Несмотря на кажущиеся успехи, положение союзников было далеко не блестящим. Углубляться далее в Китай они не могли, да и не хотели. В этой ситуации цинские власти предложили русскому посланнику генерал-майору графу Н. П. Игнатьеву выступить посредником в переговорах^[230]. Генерал был отправлен в Пекин в начале 1859 г. с весьма широкими полномочиями. Данная ему инструкция строго запрещала ему только одно – вмешательство во внутренний китайский конфликт в пользу одной из сторон. Между тем, опасения были весьма велики: «Междоусобия, сила обстоятельств и требование всего народа могут восстановить туземную династию; тогда, если убедитесь, что восстановление достаточно прочно, Вы не колебайтесь и со своей стороны вступить с нею в отношения. Имейте однако в виду, что ни в коем случае мы не можем защищать интересы манчжуров в Китае вооруженною рукою»^[231].

Положение Игнатьева было весьма сложным – поначалу и союзники, и китайское правительство, памятуя о миссии Путятина, не были склонны доверять русской миссии и стремились отстранить ее от переговоров. К русским хорошо относилось только мирное население – глава миссии постоянно делал все возможное для того, чтобы остановить или, хотя бы ограничить грабежи и насилия, регулярно совершаемые победителями. В конце концов, используя противоречия между союзниками, знание страны и значительный авторитет среди подданных богдыхана, он сумел стать посредником между воюющими сторонами^[232]. Русскому дипломату удалось добиться смягчения требований англичан и французов, и 24–25 октября в Пекине были подписаны конвенции, подтверждавшие положения Тяньцзинских договоров. Император приносил извинения за событий на реке Пейхо (ст.1), подтверждал право Англии и Франции держать постоянные посольства в Пекине (ст.2), Китай выплачивал 8 млн. таелей¹ контрибуции – 2 млн. в счет компенсации британской торговой общины Кантона и 6 млн. – за военные издержки (ст.3), кроме того, китайские власти обязались выплатить в качестве компенсации за убийства парламентариев 200 тыс. таелей французам и 300 тыс. таелей англичанам^[233]. 2(14) декабря 1860 г. Игнатьевым был подписан Пекинский договор, передававший России земли от Уссури до Японского моря и границ Кореи^[234]. Вслед за этим наступила длительная передышка.

¹ Таель – монета, обычно серебряная, равная 1 лян. Лян – единица веса в Китае, 31,25 грамма.

Глава 2. Второй этап движения на Дальний Восток

Следующий этап активизации русской политики на Дальнем Востоке был связан с последствиями большого противостояния России и Великобритании в Средней Азии. Русские успехи в этом регионе очень быстро сказались и на отношениях с Китаем. В 1877–1878 гг. Пекин сумел подавить восстание в Синьцзяне, начавшееся еще весной 1857 г. В мае 1877 г., после разгрома китайцами, умер правитель Кашгара Якуб-бек^[235]. Эти успехи китайцев совпали с успешным для британцев началом второй англо-афганской войны.

Следует отметить, что еще в мае-июне 1871 г. по приказу Туркестанского генерал – губернатора ген. – ад. К. П. фон Кауфмана в Илийский край с центром в городе Кульджа были введены русские войска, местный султан сдался в плен и был вывезен в гор. Верный^[236]. В результате под власть русской администрации перешла территория со смешанным в национальном и религиозном отношении населением, удержание которого в мирном состоянии требовало присутствия армии. Уже в октябре 1871 г. последовал запрос из Пекина о возможности возвращения туда китайской администрации. Свое принципиальное согласие на это Кауфман связал с возможностью присылки китайских войск, чего Пекин тогда еще не мог себе позволить. Возможность предоставить в распоряжение китайского дзянь-дзюня (т. е. губернатора) русские гарнизоны исключалась. В результате было принято решение оставить в Кульдже русские войска на правах оккупации, не требуя за это финансовой компенсации. Взамен предполагалось получить льготные условия свободной торговли с Китаем. Возвращение оккупированной территории было поставлено в зависимость от готовности китайского правительства прислать сюда достаточное для поддержания порядка количество войск^[237]. В конце 1872 г. на Особом совещании под председательством императора было принято решение вернуть Илийский край, как только Китай окажется в состоянии восстановить там свою власть. Милютин протестовал, но Кульджу решили оставить в составе России лишь в том случае, если Пекин будет слишком слаб для того, чтобы контролировать эту территорию^[238].

После победы китайцев в 1878 г. перед русскими властями стал вопрос об эвакуации войск из Илийского края. За время их пребывания там было выстроено несколько укреплений, казармы, предприняты меры по благоустройству китайских беженцев и т. п. Вместе с содержанием войск за 10 лет потраченная Россией сумма составила к 1881 г. 2 265 400 рублей^[239]. 4(16) марта 1879 г. на совещании под председательством Д. А. Милютина обсуждался вопрос будущего этих территорий. «Пришли к заключению, – отметил Военный министр, – что достоинство государства требует от нас честного исполнения обещания, неоднократно повторенного – возвратить Кульджу, но не прежде, как добившись от китайцев положительных уступок, как по некоторым вопросам торговым и по удовлетворению многих наших претензий, так и по исправлению нашей границы с Китаем к северу от Отянь-Шаня, а в особенности по обеспечению участи народонаселения уступаемой нами китайцам Илийской области»^[240].

Условия возвращения Кульджи были определены в Ливадийском договоре, подписанном 2 октября 1879 г. товарищем министра иностранных дел Н. К. Гирсом, русским посланником в Китае Е. К. Бюцовым и китайским посланником Чун Хоу. Русские войска покидали край, за исключением западной части долины реки Или для поселения беженцев, и Музартского перевала через Тянь-Шань. Китай обещал провести амнистию и уплачивал России 5 млн. рублей компенсации за расходы по управлению территорией. Однако правительство императрицы Цы Си отказалось ратифицировать договор и начало подготовку к войне, надеясь на поддержку из Лондона, который в это время активизировал свои действия в регионе. В марте 1880 г. командование Туркестанского, Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского Военных округов получило приказание подготовиться к возможному разрыву отношений с Китаем^[241].

Положение России было очень сложным. Даже после усиления Приамурского Военного округа в 1880 г. в нем насчитывалось всего 11 550 чел. при 32 орудиях^[242], что было совершенно недостаточно для защиты края в случае столкновения с Китаем. Не лучшей была ситуация и в Туркестане – в кульджинском крае имелось несколько рот и сотен, между тем, по имевшейся информации китацы сосредотачивали на подступах к нему значительные силы. Назывались самые различные цифры – 15, 40 и даже 100 тыс. чел.^[243]

Русско-китайские противоречия с готовностью использовал Лондон. Еще в июле 1880 г. по приглашению китайского правительства в Пекин прибыл генерал Ч. Гордон. Он был хорошо известен на Дальнем Востоке и имел солидную военную репутацию именно в Китае. Рекомендации генерала, возможно и помимо его воли, убедили китайцев в бесперспективности военного столкновения с Россией: «Если вы начнете войну, сожгите пригороды Пекина, вывезите архивы и императора из Пекина, поместите их в центр страны и ведите партизанскую войну пять лет, Россия[тогда] не сможет причинить вам вреда»^[244]. Совет был абсолютно логичен, но вряд ли он мог настроить Пекин в пользу попытки решить спор с Россией путем столкновения с ней.

С другой стороны, и Петербург отнюдь не желал рисковать войной ради территорий, которые, собственно, и не были нужны России. В конце 1880 г. начальник Азиатского отделения Главного штаба полковник Л. Н. Соболев подал записку относительно плана действий на случай войны с Китаем. Возможность окончить ее «одним ударом» автором исключалась. Для решающего удара требовалась перевозка на Дальний Восток 2–3 корпусов, активные действия флота по блокаде китайских портов и высадке десантов. Все это предполагало расходы в 200–300 млн. рублей^[245].

Опорный пункт России в Приморье – Владивосток – насчитывал только 493 дома, в нем проживало 8,8 тыс. чел., из них около 3,9 тыс. – китайцы и корейцы. Если корейцы массами принимали русское подданство, то китайцы делали это редко, постоянно уезжая домой после нескольких лет работы. При этом в городе было несколько казарм на 2 тыс. чел. в каждой, явно больше, чем насчитывал гарнизон. Город зависел от импорта. В 1878 г. через него было ввезено товаров на 1,756 млн. руб., в то время как вывезено – только на 104 521 руб.^[246]. При отсутствии железной дороги, связывавшей Дальний Восток с европейским центром, перевозка значительной массы войск, продовольствия, боеприпасов могло быть произведено только по морю. Россия не имела транспортных возможностей для этого, не обладала она в Тихом океане и достаточными силами флота, которые могли бы создать угрозу для коммуникаций британского флота. В конце августа 1880 г. во Владивосток пришла эскадра Тихого океана под командованием вице-адмирала С. С. Лесовского – 2 броненосных фрегата, 3 крейсера и 8 клиперов, к осени было построено несколько новых береговых батарей^[247].

Быстро изменить ситуацию на Дальнем Востоке было все же невозможно. Тем временем необходимо было учесть и возможность в будущем морской угрозы со стороны Китая, который заказал в 1881 г. 2 броненосца в Германии. В декабре 1881 г. первый корабль этой серии (каждый имел по четыре 12-дюймовых и по два 150-мм орудия) был спущен на воду^[248]. В апреле 1883 он был переведен в Киль для вооружения, после чего германская команда должна была привести его в Кантон. Отправка задержалась в связи ухудшением китайско-французских отношений. В 1883 г. Пекин заказал в Германии еще 4 миноносцы. В 1884 г. здесь был спущен на воду броненосный корвет (тяжелый крейсер), имевший на вооружении две 8,27 дюймовых и одно 5,97-дюймовое орудие. Приходилось считаться с перспективой появления всех этих кораблей на Тихом океане^[249]. Финансовое положение России после 1878 г. также было не блестящим, гораздо более важным для нее было сохранение торговых отношений с Поднебесной империей. В декабре 1880 г. в Петербурге было принято решение пойти территориальные уступки Пекину, однако так, чтобы они не должны были поставить под угрозу престиж России

в регионе^[250]. В результате время и взаимные уступки позволили найти приемлемое для всех решение.

Через месяц после завоевания Геок-Тепе, 12(24) февраля 1881 г. в Петербурге Гирсом, Бюцовым и маркизом Цзеном был подписан русско-китайский договор, урегулировавший кульджинский вопрос. Большая часть Илийского края возвращалась Китаю, передача территории должна была быть проведена через 3 месяца после прибытия в Ташкент китайского уполномоченного (ст.5), жители получали право на переселение в Российскую империю (ст.2), для чего удерживалась западная часть края (ст.7). Пекин выплачивал России 9 млн. рублей серебром в вознаграждение за идержки в период оккупации Или и за те убытки, которые понесли подданные России в период, ей предшествовавший^[251]. В тот же день был подписан и Протокол о порядке выплаты данной суммы. Китай обязался погасить ее через 2 года после ратификации договора через Лондон по курсу на момент подписания договора, что составило 1 431 664 фунта 2 шиллинга^[252]. 7(19) августа 1881 г. договор был ратифицирован^[253]. Уже в марте 1881 г. началась постепенная передача власти в крае китайцам. Вместе с тем начались грабежи и прочие злоупотребления властью, чинимые китайскими солдатами^[254]. 13(25) августа русские войска начали постепенный отход из Кульджи^[255].

Результатом разграничения на Дальнем Востоке очевидным стал союз Англии и Китая. Очень быстро возникла и перспектива его укрепления. Противостояние в Средней Азии опять сказалось на большой политике. Еще в мае 1882 года Александр III наложил резолюцию о направлении будущего Сибирского железнодорожного пути: «Изыскания провести безотлагательно и рассмотреть в Комитете Министров для обсуждения направления Сибирской магистральной линии»^[256]. К началу 1881 г. за исключением Мервского оазиса вся Туркмения вошла в Закаспийскую область. Почти сразу же после взятия Геок-Тепе в британском МИДе и в части британской прессы стало чувствоваться особое внимание к Мерву. Только он здесь оставался вне пределов русской власти. Мервцы были отважными воинами, живущими набегами на соседей. В 1855 г. они разгромили 40-тысячную армию хивинцев, а в 1860 г. – 20-тысячную армию персов с 32 орудиями. Из персидского войска спаслось лишь несколько сотен всадников, остальные были либо убиты, либо превращены в рабов. Их количество было таким, что цена на раба в Мерве упала с 300 до 5 рублей^[257]. В окружении Биконсфилда этот оазис принято было называть «Королевой Мира», «ключом к Индии» и т. д. Все это создавало обстановку, оригинально названную еще в 1882 г. герцогом Джорджем Аргайлом «мервозностью»^[258]. «Это жалкая деревушка, – заявлял герцог, не разделявший пафоса друзей Б. Дизраели, – или, самое большее, бедный маленький городок с грязными лачугами, не защищенный или защищенный лишь земляными насыпями. Это гнездо разбойников»^[259].

1(13) января 1884 генгеш – собрание представителей туркменских родов, населявших оазис – высказался за присоединение к России. 31 января(12 февраля) мервские старшины присягнули на верность «белому царю» в Ашхабаде^[260]. Огромную роль в организации этого решения сыграл поручик М. Алиханов-Аварский, который выступил перед старейшинами с речью, убеждая их сделать выбор между войной и подданством России. Выбор старшин был единогласным^[261]. 2(14) марта 1884 года, после одиночного незначительного сопротивления, оказанного противниками русской ориентации, в Мерв вошли русские войска во главе с ген. А. В. Комаровым. Немедленно последовало освобождение рабов. Их оказалось около 700 человек – текинцев, персов, подданных Бухары, которые получили возможность вернуться на родину^[262]. Набеги за рабами на Хорасан прекратились. Вскоре здесь появилась поговорка: «Белый Царь послан Аллахом, чтобы защитить от туркмен»^[263].

Вслед за Мервом последовало признание русского подданства другими туркменскими племенами. Теперь «мервозность» британского МИДа только усилилась. Вернее, по меткому замечанию бельгийского военного обозревателя, ее заменил кошмар видений русских угроз Герату^[264]. В Англии вышла масса публикаций, запугивавших общественное мнение страны

близостью русской угрозы британской Индии^[265]. «Мерв был завоеван, – гласила одна из таких брошюр, – но Александр III потерял то, что он не сможет никогда вернуть – доверие английского народа»^[266]. В парламенте открыто заявляли о том, что раз Герат отстоит от Мерва на 240 миль, а от Кветты – на 514, то судьба Герата теперь полностью находится в руках России^[267].

В Туркмении с 1880 г. продолжалось активное железнодорожное строительство. В конце 1882 г. продолжилось строительство железной дороги от Кизил-Арвата до Самарканда длиной в 1126 верст. Строительство было завершено в 1888 году^[268]. Эти изменения также не прошло мимо внимания Лондона. 217 верст, уже протянувшихся от побережья Каспия до Кизил-Арвата, были, по мнению британской прессы, явным свидетельством подготовки русского похода на Индию^[269].

Вскоре эти страхи получили зримое, как казалось, подтверждение. Так как граница туркменских племен с Афганистаном не была точно определена, а Кабул считал часть туркменских племен своими данниками, то возникла проблема, тем более серьезная, что спорными оказались территории, лежавшие на пути в Герат, самом удобном направлении для движения к Хайберскому перевалу, в Британскую Индию. Прежде всего речь шла об оазисе Пенде, населенном туркменами-сарыками. Позиция Британии была простой и последовательной – Лондон полностью поддерживал притязания эмира, считая их абсолютно естественными и исторически обоснованными^[270]. В районе оазиса Пенде афганцы в июне 1884 г. арестовали русского путешественника. Последовал резкий протест русских властей, и арестованный был освобожден. Инцидент был улажен, но недемаркированная граница вызывала опасения^[271]. Уже в феврале 1885 г. здесь начались мелкие столкновения^[272]. В марте 1885 г. афганцы, подстрекаемые английскими представителями, начали стягивать свои отряды к реке Кушка. Вслед за этим последовали провокации на переговорах о разграничении на Кушке^[273]. Ген. Комаров распорядился избегать столкновений^[274]. На русском, левом берегу находилось всего три русских поста по несколько человек в каждом^[275]. Афганцы немедленно приняли сдержанность за слабость. Они построили несколько редутов, подходили к русским постам и начинали оскорблять часовых. Отсутствие силовой реакции явно раздражало. Столкновение было явно неизбежным^[276].

18(30) марта афганский отряд силой 2600 всадников и 1900 пехотинцев начал переходить в пределы спорной территории. Предложение вернуться было проигнорировано, и 18(30) марта ген. А. В. Комаров разбил и отбросил афганцев^[277]. Весьма успешно и эффективно показала себя винтовка система Бердана. Огневой бой был исключительно энергичным. Был сделан 122 021 выстрел, примерно по 85–95 на винтовку^[278]. Вместе с русской пехотой храбро сражалась туркменская конная милиция. После первой неудачи она успешно контратаковала и преследовала противника^[279]. Афганцы бежали, бросив свою артиллерию – 4 полевых и 2 горных английских и 2 горных афганских орудия^[280]. Энергичного преследования бежавших все же не было – несколько дней перед боем стояла сырая погода, шли дожди, днем пошел снег, земля под копытами коней превратилась в грязь. Мост через Кушку и левый берег реки был завален трупами афганских солдат^[281]. Руководство со стороны англичан действиями афганцев было доказано показаниями пленных и документами^[282].

Местные туркмены – племена сарыков и текинцев – торжествовали. Они ненавидели афганцев и радовались их поражению. Несколько дней хоронили убитых. Разгром был полный^[283]. Отряд Комарова потерял убитыми 1 офицера и 10 рядовых и ранеными 3 офицера и 29 рядовых^[284]. Такой сокрушительный успех 1,5-тысячного русского отряда при 4 орудиях произвел большое впечатление не только на Кабул^[285]. Столкновение, само по себе почти ничтожное, демонстрировало центральной Азии, на чьей стороне сила. К Комарову начали обращаться делегации разных племен с просьбами о покровительстве^[286]. Конфликт пришел неожиданно – работа англо-русской комиссии по делимитации должна была привести к решению спорных вопросов.^[287] Тем сильнее была реакция на новости. Возмущению Лондона не было границ.

Выступивший в палате общин Гладстон обвинил Россию в агрессии против Афганистана и получил почти единодушную поддержку в запросе правительства на экстраординарные расходы – 1 млн. фунтов^[288]. 27 апреля парламент вотировал на военные расходы уже 11 млн. фунтов^[289]. Русско-английские отношения вступили в глубокий кризис, в британской прессе начались традиционные стенания об угрозе Герату, куда якобы готов вот-вот вторгнуться отряд Комарова.

Весьма характерно, что в 1884 г. в Англии была издана работа ген. Ч. Мак-Грегора «Оборона Индии», в которой говорилось о необходимости жесткого противостояния планам русской агрессии в Индии. Мак-Грегор считал захват Герата первым шагом русского завоевания этой важнейшей британской колонии и призывал к системному противостоянию России по всему периметру ее границ, и, в первую очередь, на Босфоре^[290]. Передовой позицией британской обороны Индии признавался Афганистан^[291], а ключом к нему – Герат. Генерал утверждал: «...занятие Герата русскими представляет крайнюю опасность для британской власти в Индии»^[292]. Мак-Грегор призывал к союзу с Германией, Турцией и Персией и нанесению удара по владениям России в Закавказье и на Кавказе^[293]. «Я торжественно свидетельствую свое убеждение в том, – обращался он к читателям, – что никогда не может произойти настоящего решения русско-индийского вопроса, доколе Россия не будет выбита из Кавказа и Туркестана»^[294]. Публикация вызвала раздражение официальных властей, но после Кушки высказанные в ней мысли многим показались откровением.

Лондон отдал приказ об усилении англо-индийской армии, увеличив численность британского контингента на 11 тыс. чел., подняв ее, таким образом, до 70 тыс. с 414 орудиями, а туземного контингента – на 12 тыс. чел., подняв его до 128 636 чел.^[295]. Общая численность англо-индийской армии к этому времени составила 220 400 чел., 33 % из которых были англичанами. Практически вся артиллерия после восстания сипаев была сосредоточена только в европейских частях. 1/3 офицером туземных частей были британцами, индийцы командовали ротами и полуэскадронами. Вся англо-индийская армия делилась на три группировки: Бенгальскую, Бомбейскую и Мадрасскую армии. Свои армии содержали и местные князья, но, как правило, это были феодальные ополчения, плохо обученные и вооруженные, которые годились только для поддержания порядка на своих территориях. Весной 1885 г., то есть в разгар кризиса, было принято решение о формировании действующей армии в составе двух армейских корпусов (25 тыс. британцев и 31 тыс. туземцев) и резервной дивизии (6 тыс. британцев и 13,5 тыс. туземцев) для обеспечения тыла^[296].

Британское Адмиралтейство по-прежнему с опасением следило за ростом количества русских крейсеров. В марте 1885 г. англичане насчитывали 29 крейсеров: 1 броненосный, 5 бронепалубных, 23 легких, не считая 6 коммерческих пароходов Добровольного флота, которые могли использоваться в качестве рейдеров, 2 первоклассных крейсера находились в достройке, один из которых в ближайшее время должен был быть спущен на воду. На Балтике находилось 3 бронепалубных и 12 легких крейсера, на Черном море 2 легких крейсера и пароходы Доброфлота, 12 находились вне русских вод. Они то и вызвали наибольшие опасения, так как выход из Балтики мог легко быть перекрыт силами британской эскадры, которая базировалась в метрополии. 14 марта 1885 г. Адмиралтейство высказало пожелание правительству начать конфиденциальным образом работу с нейтральными государствами: Японией, Китаем, Францией, США и южно-американскими странами с целью рекомендовать им в случае англо-русской войны воздержаться от снабжения русских крейсеров углем и водой. При этом специалисты Адмиралтейства признавали сложность задачи, ввиду отсутствия международно-правовых актов, регулировавших данный вопрос и наличие неприятных для Лондона прецедентов (например, снабжения англичанами рейдеров южан во время гражданской войны в США)^[297].

Интересно, что со своей стороны и руководители императорского русского флота весьма скептически смотрели на перспективы крейсерской войны, считая собственные крейсерские

силы абсолютно недостаточными для нее, а возможности их снабжения в океане – мизерными. Находившиеся в заграничных водах русские суда получили приказы уходить в порты государств, которые явно останутся нейтральными в случае англо-русского конфликта. Уже в апреле 1885 г. англичане установили наблюдение за этими кораблями – в море за каждым русским военным флагом следовали один или два британских. В этих условиях Морское министерство приступило к вооружению части коммерческих пароходов, но основной упор был сделан на меры оборонительного характера – ускоренная подготовка и вооружение миноносного флота, строительство новых береговых батарей (и прежде всего в слабо защищенном до этого времени Владивостоке), создание запаса морских мин для прикрытия подходов к главным военным и коммерческим портам – для последнего в Кронштадте было подготовлено 1230 мин, в Свеаборге – 523, Выборге – 180, Динамюнде – 141, а Севастополе, Керчи, Одессе, Новороссийске, Поти и Батуме – свыше 2000 мин^[298].

Британским властям в Индии, вице-король которой – лорд Дафферин, довольно скептически смотрел на возможность русской угрозы – было приказано готовить корпус, который в случае необходимости мог бы выступить на защиту Герата^[299]. Эмир Афганистана 9–31 марта гостил в летней резиденции вице-короля Индии – Равал-Пинди^[300]. Он прибыл туда по приглашению вице-короля, который попытался получить разрешение на пропуск британских войск через территорию Афганистана. Здесь эмира и застала новость о бое на Кушке^[301].

По словам Абдурахман-хана, он сделал это для того, «чтобы показать русским, что я друг англичан...»^[302] На встрече с Дафферином, где и был решен вопрос об оказании материальной помощи Афганистану, его эмиру был вручен почетный меч. Картинно взяв его в руки, Абдурахман заявил: «Этим мечом я надеюсь смести любого врага британского правительства»^[303] Это обещание было тем более важно, потому что после боя на Кушке авторитет Англии в Афганистане был серьезным образом поколеблен^[304]. Для придания уверенности в своих силах, как, впрочем, и в готовности британских властей в Индии оказать поддержку Кабулу, афганцам было передано 20 млн. рупий, 20 тыс. винтовок, 4 тяжелых орудия, 2 гаубицы, горную батарею, и соответствующее военное снаряжение и боеприпасы к этому оружию. Британские власти в ожидании войны с Россией даже отложили завоевание Бирмы (оно состоялось в 1886 г.)^[305].

Активная подготовка эскадры из 16 броненосцев шла в Англии вплоть до июня 1885 г.^[306] Но до русско-английского столкновения в этот раз дело не дошло – Великобритания не могла рассчитывать на помощь союзника в Европе, кроме того, она была обременена проблемами в Африке. Вне системы союзов, выстроенной Бисмарком, оставалась только Франция, которая после захвата Англией Египта, оставалась враждебной Лондону, где с опаской смотрели на рост французских военно-морских вооружений и на соперничество с французами в колониях и особенно в Африке. Впрочем, весна 1885 г. была далеко не тем временем, когда на Францию кто-либо вообще мог рассчитывать. В марте 1882 г. французы начали военные действия в Тонкине (северный Вьетнам). Их действия, не смотря на поддержку туземных союзников и превосходство в вооружении, с самого начала не были особо успешными^[307].

Огромное значение приобретало техническое превосходство – с моря и на реках французов поддерживал флот – 2 броненосца и 1 крейсер 2-го класса, 2 канонерские лодки^[308]. Китайцам и вьетнамцам нечего было противопоставить их артиллерии. 25 августа 1883 г. после блокады и обстрела прибрежных укреплений правитель Аннама (центральный и южный Вьетнам) признал французский протекторат над Аннамом и Тонкином^[309]. Мир так и не наступил. Французы продолжили блокаду побережья для того, чтобы пресечь перевозку войск и оружия^[310], вскоре последовали новые столкновения^[311]. Французская эскадра была увеличена до 4 броненосцев, 5 крейсеров 1-го и 2-го класса, 16 канонерок и 6 транспортов^[312]. К декабрю 1883 г. численность французских войск (европейские части, африканские стрелки, местная милиция) в Тонкине выросла с 4 до 15 тыс. чел. при 88 орудиях. При помощи флота они быстро добились успеха на побережье и в районах, где реки были судоходными^[313]. 11 мая 1884 г. в Тяньцзине

был подписан прелиминарный франко-китайский договор – Китай обязался вывести свои войска из Тонкина (ст.2), а Франция в ответ отказывалась от требования уплаты военных издержек (ст.3) и обеспечивала безопасность границ Китая со стороны северного Вьетнама (ст.1).^[314] Фактически Париж получал право на контроль за Тонкином и Аннамом.

После этого французы вывели из новой колонии до 5 тыс. чел., оставив там около 6 тыс. европейских и 6 тыс. туземных вспомогательных войск, 26 военных судов, 18 речных канонерок, 10 транспортов. Как часто бывает при таких обстоятельствах, возникли проблемы с демаркацией. Французы захотели включить в состав своей колонии гор. Лангшон. Китайцы, считая его частью своей территории, не вывели оттуда войска и оказали сопротивление французам. В июне 1884 г. военные действия возобновились, при этом формально война не была объявлена. Попытки китайской эскадры оказать сопротивление провалились ввиду явного неравенства сил. Против 4 французских броненосцев, 7 крейсеров 2-го и 3 крейсеров 3-го класса, 10 мореходных канлодок китайцы имели 9 деревянных паровых корветов (построенных с помощью французских специалистов), 2 железных канлодки и 12 военных джонок. 23 августа 1884 г. китайская эскадра была уничтожена^[315].

К октябрю 1884 г. китайцы были вытеснены из большинства спорных территорий, в ноябре французская эскадра приступила к блокаде Формозы (совр. Тайвань)^[316]. С конца 1884 г. наступил небольшой перерыв в военных действиях. Французы наращивали свое военное присутствие, собирая значительную эскадру^[317]. Французы начали высаживать десанты на Формозе. 15 февраля они атаковали и потопили шестовыми минами китайский фрегат и корвет^[318]. Успешные действия на Формозе ослабили французский экспедиционный корпус в Тонкине^[319]. 27–28 марта 1885 г. он был разбит под Лангшоном китайцами, подтянувшими сюда наиболее боеспособные свои части^[320]. Поражение весьма серьезно ударило по военному престижу Франции и привело к правительственному кризису 30 марта^[321].

Что касается Германии, то она предпочитала соглашение с Россией перспективе конфликта с ней в союзе с Англией. В своем письме от 4 мая 1885 г. к Александру III принц Вильгельм Прусский – будущий император Вильгельм II – сообщал о визите принца Уэльского в Берлин и о нежелании правительства Великобритании начинать войну, идя на поводу у джingoистских настроений общественности. «Со своей стороны, – добавлял принц, – я от всего сердца поздравляю тебя с победой Комарова, которая вызвала здесь и во всей нашей армии чувство живейшего удовлетворения. Могу тебя уверить, что симпатии всех моих товарищей на стороне войск, сражающихся за тебя, и я, как русский офицер, желаю, чтобы победа всегда сопровождала знамена царя; я жалею, что не могу послужить им лично и своей кровью!»^[322] В последнем не было необходимости.

Бисмарк был настроен категорически против призывов Лондона выступить посредником в афганском вопросе. Малейшее вмешательство, по его словам, могло «...избавить англичан от враждебности русских, обратив ее против нас самих»^[323]. Такая перспектива никак не могла устроить «железного канцлера». 27 мая 1885 г., обращаясь к Вильгельму I, он писал: «Чтобы это вызвать, – достаточно малейшего прямого или косвенного нажима на Россию, даже дружеского совета сохранять мир. Несомненно, что Россия не пойдет на войну с Англией, если она во время войны будет опасаться угроз со стороны Германии или Австрии. Малейшего намека на такую возможность было бы достаточно для того, чтобы настроить Россию миролюбиво по отношению к Англии, но этого было бы также достаточно и для того, чтобы вновь возбудить и усилить против с таким трудом устраненное недоверие против нас и заставить русскую политику направить свое острие исключительно против Запада. На этом основании мы тщательно воздерживались доводить до сведения Петербурга хотя бы самое незначительное высказывание, которое могло бы быть рассматриваемо как давление или хотя бы намек на то, что Ваше Величество желает, чтобы Россия не нарушала мира»^[324].

Между тем Россия вовсе не стремилась к войне. Уже 19 апреля (1 мая) на совещании у императора Александра III было принято решение пойти на диалог с Англией по афганскому вопросу^[325]. 30 апреля (12 мая) 1885 г. были обсуждены предложения, поступившие из Лондона, в которых предполагался выход, «отвечающий достоинству обеих стран»^[326]. С другой стороны, в 1885 году мир нарушить оказалось достаточно сложно. Занятие Кипра в 1878 г. и оккупация Египта в 1882 г. привели к резкому ухудшению не только англо-французских, но и англо-турецких отношений, что не позволяло Лондону надеяться на открытие Черноморских проливов в случае войны с Россией. Свое возможное согласие сделать это Константинополь сразу же увязал с уступками в Египте, что было неприемлемо для Великобритании. Кроме того, все Великие Державы – Германия, Австро-Венгрия, Италия и Франция предупредили турок, что открытие Проливов будет нарушением взятых на себя обязательств. Турция и сама не хотела становиться ареной англо-русского конфликта, начавшегося в Средней Азии^[327].

16 апреля 1885 г. Адмиралтейство рассмотрело вопрос о силовом форсировании Проливов и пришло к выводу о желательности их оккупации значительным десантом и вовлечения Турции в войну, в противном случае операции против России на Черном море не считались возможными. Русский Черноморский флот (2 броненосца, 4 легких крейсера, 4 небольших парохода, 12 минных катеров, 2 транспорта) и укрепления наиважнейших целей возможной атаки – Севастополя и Батума – не считались опасным препятствием^[328]. В результате оно ограничилось тем, что поставило Средиземноморской эскадре задачу наблюдения над Дарданеллами. Что касается Балтики, то укрепления Кронштадта и Свеаборга признавались неприступными против прямой атаки, британские эксперты очень высоко оценили проделанную в этих крепостях с 1878 г. работу. По их предположениям, флот мог рассчитывать на успех только в случае бомбардировки или атаки слабо защищенных и не защищенных вовсе коммерческих или частично коммерческих портов, таких как Або, Рига, Ревель (совр. Таллин, Эстония), Выборг, Виндава и Либавя (совр. Вентспилс и Лиепая, Латвия)^[329].

В этой обстановке столкновение между «китом и слоном», как называла его вслед за Бисмарком европейская пресса, становилось невозможным. Необходимо отдать должное германскому канцлеру – он был против того, чтобы «кит» получил доступ в воды Черного моря^[330]. Война не была нужна и России, переговоры возобновились. 29 августа (10 сентября) 1885 г. они завершились подписанием Лондонского протокола, по которому спорный оазис Пенде переходил к России, а Зульфагарский перевал, открывавший дорогу на Герат – к афганцам^[331]. 10 (22) июля 1887 был подписан Санкт-Петербургский протокол о дальнейшем разграничении русско-афганской границы по Аму-Дарье^[332]. Петербург и Лондон убедились в возможности мирного решения подобного рода проблем, что имело значение при последнем русско-афганском разграничении в 1895 г., в результате которого большая часть Памира переходила к России, а к Афганистану – так называемый «Ваханский коридор», который должен был стать буфером между русским Туркестаном и британской Индией^[333]. Кризис в Средней Азии в очередной раз продемонстрировал слабость русских позиций на Дальнем Востоке. Их укрепление стало очевидной необходимостью.

Глава 3. Третий этап активизации на Дальнем Востоке – на пути к усилению позиций

Начало 90-х гг. XIX века было отмечено активизацией русской политики на Дальнем Востоке. В конце 1886 г. было собрано Особое совещание, на котором было принято решение приступить в 1891 г. к строительству Сибирской железной дороги от Владивостока до Челябинска (более 7 тыс. верст)^[334]. В 1891 г. это строительство началось. Его завершение должно было бы резко укрепить позиции России на границе с Китаем. Вплоть до 1895 г. ее вооруженные силы в этом регионе были незначительными – около 30 тыс. чел. С конца 70-х гг. XIX века, и особенно после Кушки в этом регионе более всего опасались столкновения с английским флотом и китайской армией. К укреплениям главного порта и русского административного центра в Приморье – Владивостока – приступили только в 1878 г., когда эскадра вице-адмирала Дж. Хорнби вошла в Мраморное море. Процесс шел с трудом, перевозка подкреплений и особенно орудий и боеприпасов к ним была возможна только по морю, что ставило усиление русского военного присутствия на Дальнем Востоке в прямую зависимость от отношений с Великобританией, которая безусловно господствовала в Мировом океане.

Именно военная слабость на Дальнем Востоке и опасение столкновения с Китаем были причиной того, что русская Тихоокеанская эскадра постоянно базировалась в это время в Японии. Еще в апреле 1861 г. флотом была предпринята попытка основать морскую станцию (т. е. пункт базирования) на островах Цусима, на берегу бухты Имосаки. Однако уже в мае постройки обнаружил английский фрегат. Англичане немедленно сообщили об этом японским властям, а те заявили протест, поддержанный британским дипломатическим представителем. Учитывая склонность токугавской Японии к самоизоляции, и не желая портить отношения с нею и с англичанами, русское правительство отказалось от своих планов^[335]. Владивосток, ставший главным портом на Дальнем Востоке в 1871 г., замерзал на 4 месяца в году^[336]. Кроме того, он был уязвим с суши, и поэтому его задача в военное время ограничивалась снаряжением крейсеров, которым предстояло отправиться в океан за тысячи миль и при необходимости ремонтироваться и пополнять запасы с транспортов, пользуясь бухтами уединенных островов^[337]. В городе не было пресной воды, медленно возраставшее крестьянское население края едва обеспечивало собственное пропитание, отчего казенные учреждения приходилось снабжать морем из европейских губерний России.

В связи с этим в 1875 г. опорным пунктом русской эскадры на Тихом океане стал Нагасаки. Крейсера проводили в этом городе большую часть года, с конца осени до начала лета, а Владивосток долго оставался лишь местом их летней стоянки. Естественно, что это было возможно лишь при условии добрососедских отношений с Японией. В 1877 г. 4 небольших русских легких крейсера в Нагасаки находились под постоянным и бдительным наблюдением 12 британских кораблей, среди которых был и броненосец^[338]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.
Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб.1908. Т.1. С.4.
2.
Тверской П. А. Америка и Япония. Письмо из Америки.// Вестник Европы. Журнал истории-политики-литературы.(далее ВЕ). 1906. № 9. С.169.
3.
Хаттори Т. Япония в войне 1941–1945. М.1973. С.22.
4.
Футида М., Окумия М. Сражение у острова Мидуэй. М.1958. С. 39–40.
5.
Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М.1991. С.22.
6.
Полунов А. Ю. Константин Петрович Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.2010. С. 292–293.
7.
Колеров М. А. Политическое дежавю оппозиции: голод 1921-го как голод 1891 года.// Русский Сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. Редакторы-составители: О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти (далее РуСб). М. 2004. Т.1. С.237.
8.
Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville. 1983. С.83.
9.
Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России: воспоминания современника. Париж. 1936. Ч.1. С.15.
10.
Из писем К. Д. Кавелина к графу Д. А. Милютину. 1882–1884 гг.// ВЕ. 1909. № 1. С.10.
11.
Степанов В. Л. Н. Х. Бунге. судьба реформатора. М.1998. С.190.
12.
Гарин Н. По Корее, Манчжурии и Ляодунскому полуострову. СПб.1904. С.5.
13.
Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М.1993. С.413.
- 14.

Толстой Л. Н. О голоде. Собрание сочинений в 22 томах. М. 1984. Том 17. Публицистические произведения. С.160.

15.

Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892. М.-Л.1934. С.201; 203; 212.

16.

Степанов В. Л. Ук. соч. С. 234–235; 239.

17.

Литературное обозрение. В. Короленко. В голодный год.// ВЕ. 1894. № 1. С.423.

18.

Полунов А. Ю. Ук. соч. С.281.

19.

Керенский А. Ф. Россия на историческом переломе: Мемуары. М., 1993. С.17.

20.

Милюков П. Н. Воспоминания. М.1991. С.120.

21.

Толстой Л. Н. Голод или не голод. Собрание сочинений в 22 томах. М. 1984. Том. 17. Публицистические произведения. С.191.

22.

От редактора.// Освобождение. Штутгарт. 18 июня(1 июля) 1902 г. № 1. С.4.

23.

Колеров М. А. Политическое дежавю...// РусСб. М. 2004. Т.1. С.237.

24.

Внутреннее обозрение.// ВЕ. 1894. № 3. С.393.

25.

Внутреннее обозрение.// ВЕ. 1894. № 5. С.369.

26.

Андреев Д. А. Как мечтания из «безумных» стали «бессмысленными»: к истории речи императора Николая II 17 января 1895 года.// Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. 2011. № 2(20). С.38.

27.

col1_0И. Родичев и мои встречи с ним. Глава из воспоминаний.// Возрождение. Париж. 1949. № 1. С.27.

28.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.(далее ПСЗ). Собрание третье. СПб.1898. Т.14.1894. Отделение первое.№ 11014. С.626.

29.

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Белград... 1939. Т.1. С.48.

30.

Родичев Ф. И. Воспоминания... С.84.

31.

Струве П. Б. Ф. И. Родичев...// Возрождение. Париж. 1949. № 1. С.30.

32.

Родичев Ф. И. Воспоминания... С.86.

33.

Родичев Ф. И. Воспоминания... С.83.

34.

Сельскохозяйственный совет...// Неделя. 15 января 1895 г. № 3. С. 73–74.

35.

Помощь ученым и писателям...// Неделя. 22 января 1895 г. № 4. С.106.

36.

Внутреннее обозрение...// ВЕ. 1895. № 2. С. 861–862.

37.

Родичев Ф. И. Воспоминания... С.87.

38.

Полунов А. Ю. Ук. соч. С. 296–297.

39.

Речь К. П. Победоносцева о конституции (Произнесена 8 марта 1881 года в Зимнем дворце)...// Русский архив (далее РуА). М. 1907. Вып.5. С. 103–104.

40.

Андреев Д. А. Как мечтания...// Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. 2011. № 2(20). С.39; 41.

41.

Родичев Ф. И. Воспоминания... С.87.

42.

Представление Их Императорским Величествам deputаций от дворянства, казачьих войск и областей, земств и городских общественных управлений...// Правительственный вестник. 18(30) января 1895 г. № 14. С.1.

43.

Дневники Николая II. 1894–1918. М.2011. Том 1. 1894–1904. С.182.

44.

Внутреннее обозрение.// ВЕ. 1895. № 2. С.861.

45.

Ламздорф В. Н. Дневник 1894–1896. М.1991. С.126.

46.

Родичев Ф. И. Воспоминания... С.88.

47.

Представление Их Императорским Величествам делегаций от дворянства, казачьих войск и областей, земств и городских общественных управлений.// Правительственный вестник. 18(30) января 1895 г. № 14. С.1.

48.

Милуков П. Н. Ук. соч. С.121.

49.

Струве П. Б. Ф. И. Родичев...// Возрождение. Париж. 1949. № 1. С.31.

50.

Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование императора Николая II в изображении современника. СПб. 2000. С.35.

51.

Ламздорф В. Н. Дневник 1894–1896. М.1991. С.126.

52.

Струве П. Б. Ф. И. Родичев...// Возрождение. Париж. 1949. № 1. С.32.

53.

Струве П. Б. Ф. И. Родичев...// Возрождение. Париж. 1949. № 1. С.34.

54.

Родичев Ф. И. Воспоминания... С.88.

55.

Струве П. Б. Ф. И. Родичев...// Возрождение. Париж. 1949. № 1. СС.31–32.

56.

Рихтер Д. По вопросу об обеднении черноземного центра России.// ВЕ. 1902. № 3. С.322; 325.

57.

Гурко В. И. Ук. соч. С.138.

58.

Ольденбург С. С. Ук. соч. Белград... 1939. Т.1. С.180.

59.

Пребывание в России президента Французской республики.// Правительственный вестник. 8(21) мая 1902 г. № 101. С. 2–3.; Пребывание в России президента Французской республики.// Правительственный вестник. 11(24) мая 1902 г. № 104. С. 2–3.

60.

Действия правительства. Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату.// Правительственный вестник. 14(27) мая 1902 г. № 106. С.1.

61.

1 июля(14 июля) 1902 г.// Освобождение. Штутгарт. 2 июля(15 июля) 1902 г. № 2. С.19.

62.

Большие в Высочайшем присутствии маневры в 1900 году. // Разведчик. 1900. № 487. С.164.

63.

Прибавление к № 187-му Правительственного вестника 26 августа(8 сентября) 1902 года. С.1.

64.

Курские маневры в Высочайшем присутствии.// Правительственный вестник. 1(14) сентября 1902 г. № 191. С.1.

65.

Курские маневры в Высочайшем присутствии.// Правительственный вестник. 1(14) сентября 1902 г. № 191. С.1.

66.

Гурко В. И. Ук. соч. С. 278–279.

67.

Дневники Николая II. 1894–1918. М.2011. Том 1. 1894–1904. С.680.

68.

Курские маневры в Высочайшем присутствии.// Правительственный вестник. 3(16) сентября 1902 г. № 192. С.1.

69.

Отчет о большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии в 1902 году. Южная армия. Киев. 1903. С. 37–38; 45.

70.

Отчет о большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии в 1902 году. Московская армия. М.1903. С. 2–3; 34.

71.

Большие в Высочайшем присутствии маневры в 1900 году. // Разведчик. 1900. № 487. С.164.

72.

Среднев А. Кабельное отделение военно-телеграфной роты 3-го саперного батальона на больших маневрах под г. Курском; с 9-ю рисунками в тексте.// Инженерный журнал (далее ИЖ). 1903. №№ 6–7. С. 943–945.

73.

Отчет о большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии в 1902 году. Южная армия. Киев. 1903. С. 341–342; 350–353; Отчет о большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии в 1902 году. Московская армия. М. 1903. С. 230–233.

74.

Драке Л. В период больших Курских маневров 1902 г. (Отрывочные воспоминания). // Военно-исторический вестник. Киев. 1911. № 3–4. С. 31; 35.; Г. Р-ко. Историческая справка к 25-летию 2-го железнодорожного батальона. // ИЖ. 1902. №№ 11–12. С. 1435–1436.

75.

Отчет о большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии в 1902 году. Южная армия. Киев. 1903. С. 153–154.

76.

Драке Л. Ук. соч. // Военно-исторический вестник. Киев. 1911. № 3–4. С. 31.

77.

Краснов П. Н. Накануне войны. Из жизни пограничного гарнизона. Париж. 1937. С. 18.

78.

Ишеев П. П. Осколки прошлого. Нью-Йорк. 1959. С. 60.

79.

Отчет о большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии в 1902 году. Московская армия. Москва. 1903. С. 122–123.

80.

Отчет о большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии в 1902 году. Южная армия. Киев. 1903. С. 154.

81.

Соболев Л. Н. Куропаткинская стратегия. Краткие заметки бывшего командира 6-го Сибирского армейского корпуса. СПб. 1910. С. 288.

82.

Соболев Л. Н. Куропаткинская стратегия. Краткие заметки бывшего командира 6-го Сибирского армейского корпуса. СПб. 1910. С. 288–289.

83.

Драке Л. Ук. соч. // Военно-исторический вестник. Киев. 1911. № 3–4. С. 35–36.

84.

Отчет о большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии в 1902 году. Южная армия. Киев. 1903. С. 154.

85.

В. А.[пушкин] Куропаткин. Из воспоминаний о русско-японской войне. СПб.1906. С.3.

86.

Драке Л. Ук. Соч.//Военно-исторический вестник. Киев. 1911. № 3–4. С.36.

87.

Дневники Николая II. 1894–1918. М.2011. Том 1. 1894–1904. С.681.

88.

Сигинус. Из Японии.// Военный сборник (далее ВС). 1903. № 11. С.220; 231.

89.

Соболев Л. Н. Ук. соч. С. 287–288.

90.

В.А.[пушкин] Куропаткин... С.3.

91.

Отчет о большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии в 1902 году. Южная армия. Киев. 1903. С.159–161.; Отчет о большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии в 1902 году. Московская армия. М.1903. С.138–139.

92.

Специальные телеграммы Российского телеграфного агентства.// Правительственный вестник. 7(20) сентября 1902 г. № 196. С.1.

93.

Дневники Николая II. 1894–1918. М.2011. Том 1. 1894–1904. С.681.

94.

Действия правительства. Высочайшие рескрипты.// Правительственный вестник. 8(21) сентября 1902 г. № 197. С.1.

95.

Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Париж. 1969. Т.1. С.164; 170.

96.

Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Париж. 1969. Т.1. С.164.

97.

Гурко В. И. Ук. соч. С. 299–300.

98.

Вите С. Ю. Воспоминания. М.1994. Т.2. С.203.

99.

Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте). М.-Пгг.1923. С.14–15.

100.

Погожев А. Извоспоминаний о В. К. фон Плеве.// ВЕ. 1911. № 7. С.265.

101.

К еврейскому вопросу.// Освобождение. Штутгарт. 19 марта(1 апреля) 1903 г. № 19. С.340.

102.

7 мая(20 мая) 1902 г.// Освобождение. Штутгарт. 8 мая(21 мая) 1903 г. № 22. С.4.

103.

The Anti-Semitic outrages at Kishineff.// The Times. 18 May 1902. P.10.; Перевод по версии опубликованной в Правительственный вестник. 13(26) мая 1903 г. № 107. С.2.

104.

К Кишиневскому погрому.// Освобождение. Штутгарт. 8 мая(21 мая) 1903 г. № 22. С.379.

105.

Гурко В. И. Ук. соч. С.300.

106.

Лопухин А. А. Ук. соч. С.15.

107.

Гурко В. И. Ук. соч. С.300.

108.

Лопухин А. А. Ук. соч. С.16.

109.

Гурко В. И. Ук. соч. С. 301–302.

110.

Лопухин А. А. Ук. соч. С.16.

111.

Правительственный вестник. 13(26) мая 1903 г. № 107. С.2.

112.

Гурко В. И. Ук. соч. С.301.

113.

Иностранное обозрение.// ВЕ. 1903. № 7. С.377.

114.

К Еврейскому погрому.// Освобождение. Штутгарт. 19 мая(1 июня) 1903 г. № 23. С.424.

115.

После Кишиневского погрома.// Освобождение. Штутгарт. 2 июня(15 июня) 1903 г. № 24. С.442.

116.

Энгель В. В. «Еврейский вопрос» в русско-американских отношениях. На примере «паспортного» вопроса 1864–1913. М.1998. С.24; 30.

117.

Miller Ed. S. Japan's other victory: overseas financing of the Russo-Japanese war.// The Russo-Japanese war in global perspective. World War Zero. Edited by John W. Steinberg, Bruce W. Menning, David Schimmelpenninck van der Oye, David Wolf, Shinji Yokote. Leiden-Boston. 2005. Vol.1. PP.471–472.

118.

Конец ф. – Плеве.// Освобождение. Париж. 19 июля(1 августа) 1904 г. № 52. С.33.

119.

Норригаард Б. В. Великая осада. Порт-Артур и его падение. СПб. 1906. С.30.

120.

Обличение гнили.// Освобождение. Париж. 2 августа(15 августа) 1904 г. № 53. С.50.

121.

Дневники Николая II. 1894–1918. М.2011. Том 1. 1894–1904. С.

122.

Приказ армии и флоту.// Правительственный вестник. 1(14) января 1905 г. № 1. С.1.

123.

Ленин В. И. Падение Порт-Артура. Полное собрание сочинений. М.1967. Т.9. Июль 1904 – март 1905. С.158.

124.

Сталин И. В. Рабочие Кавказа, пора отомстить! Собрание сочинений. М.1954. Т.1.1901–1907. С.74.

125.

Струве П. Б. Политика внутренняя и политика внешняя.// Patriotica. Россия. Родина. Чужбина. СПб. 2000. С.79.

126.

Комитет Министров и Комитет реформ.// Освобождение. Париж. 20 января(7 января) 1905 г. № 63. С.220.

127.

Ленин В. И. Падение Порт-Артура. Полное собрание сочинений. М.1967. Т.9. Июль 1904 – март 1905. С.159.

128.

Иностранное обозрение.// ВЕ. 1905. № 2. С.839.

129.

Гурко В. И. Ук. соч. С. 404–406.

130.

Нодо Л. Письма о войне с Японией. СПб.1906. С.137–138.

131.

Действия Правительства.// Правительственный вестник. 11(24) января 1905 г. № 7. С.1.

132.

Именной высочайший указ Правительствующему Сенату.// Правительственный вестник. 13(25) января 1905 г. № 8. С.1.

133.

Действия Правительства.// Правительственный вестник. 14(27) января 1905 г. № 10. С.1.

134.

Действия Правительства.// Правительственный вестник. 16(29) января 1905 г. № 12. С.1.

135.

Правительственный вестник. 20 января(2 февраля) 1905 г. № 15. С.1.

136.

Внутренние известия.// Правительственный вестник. 20 января(2 февраля) 1905 г. № 15. С.3.

137.

П. С. Он прощает их.// Освобождение. Париж. 9 февраля(27 января) 1905 г. № 65. С.241.

138.

Правительственный вестник. 5(18) февраля 1905 г. № 28. С.1.

139.

Высочайшие рескрипты.// Правительственный вестник. 1(14) января 1905 г. № 1. С.1.

140.

Правительственный вестник. 10(23) февраля 1905 г. № 32. С.1.

141.

Проводы отряда 3-й Тихоокеанской эскадры.// Правительственный вестник. 10(23) февраля 1905 г. № 32. С.3.

142.

ПСЗ. Собрание третье. СПб.1908. Т.25.1905. Отделение первое. № 25852. С.132–133.

143.

О призыве властей и населения к содействию Самодержавной Власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуты внутренней.// Правительственный вестник. 18 февраля(3 марта) 1905 г. № 39. С.1.

144.

Рескрипт министру внутренних дел.// Правительственный вестник. 19 февраля(4 марта) 1905 г. № 40. С.1.

145.

Вестник Маньчжурских армий. Издание Штаба Главнокомандующего. Мукден. 21 февр. 1905. № 198. С.1.

146.

П. С. Рескрипт и манифест.// Освобождение. Париж. 18 марта(5 марта) 1905 г. № 67. С.280.

147.

ПСЗ. Собрание третье. СПб.1908. Т.25.1905. Отделение первое.№ 26803. С. 754–755.

148.

Rosen R. R. Forty years of diplomacy. Lnd. 1922. Vol.2. P.12.

149.

Струве П. Б. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики.// Patriotica. Россия. Родина. Чужбина. СПб. 2000. С.183.

150.

Гурко В. И. Ук. соч. С.49.

151.

Лопухин А. А. Ук. соч. С.4.

152.

Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. М.1992. Т.1. С.89.

153.

Горбовский Л. Морские деятели старого режима и их деятельность в освещении графа С. Ю. Витте.// Морской сборник(далее МС). 1922. № 5–7. С.304.

154.

Гурко В. И. Ук. соч. С.49.

155.

Тхоржевский И. И. Витте.// Последний Петербург. Воспоминания камергера. Спб.1999. С.51.

156.

Япония. Докладная записка иеромонаха Николая директору Азиатского департамента П. Н. Стремоухову.// РуА. М. 1907. Вып.4. С. 572–575.

157.

Иванов К. В. Дальний Восток в русской военной печати конца XIX – начала XX века.// РусСб. М.2009. Т.6. С. 76–90.

158.

Иностранное обозрение.// ВЕ. 1896. № 1. С. 407–408.

159.

Симонов К. М. Поручик. Собрание сочинений в 6 томах. М.1966. Т.1. Стихотворения. Поэмы. Баллады. Песни. Вольные переводы. С.30.

160.

Вавилов М. И. Последние дни в русской Америке. Из записок очевидца. 1867 г. Приложение. Высочайше ратифицированный договор об уступке российских северо-американских колоний.// Русская старина(далее РС). 1886. Том 49–50. Вып.2. С. 557–560.

161.

Афанасьев Д. Российско-американские владения.(Историческое обозрение образования российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. Составил П. Тихменев).// МС. 1864. № 2.С.33.

162.

Фрейганг А. Отчет российско-американской компании за 1856 год.// МС. 1858. № 2. С. 26–27.; А. В. Отчет российско-американской компании за 1857 год.// МС.1859. № 1. С.20.; А. В. Отчет российско-американской компании за 1858 год.// МС. 1960. № 1. С. 1–2.; Головин [П.Н.] Обзор русских колоний в Северной Америке.// МС.1862. № 1. С. 29–38.

163.

Вавилов М. И. Последние дни в русской Америке...// РС. 1886. Том 49–50. Вып.2. С.555.

164.

Афанасьев Д. Российско-американские владения...// МС. 1864. № 2.С.35.

165.

История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М. 1997. С.145.

166.

Милютин Д. А. Воспоминания 1865–1867. М.2005. С.430.

167.

Вавилов М. И. Последние дни в русской Америке...// РС. 1886. Том 49–50. Вып.2. С. 551–552.

168.

Степанов В. Л. Ук. соч. С.100.

169.

Нилус Е. Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. Харбин. 1923. Т.1. 1896–1923. С.5.

170.

Нилус Е. Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. Харбин. 1923. Т.1. 1896–1923. С.6.

171.

Каширин В. Б. «Русский Мольтке» смотрит на восток. Дальневосточные планы Главного Штаба Российской империи во время японо-китайской войны.// Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник под ред. О. Р. Айрапетова(далее РЯВ). М.2004. С.154.

172.

Авилов Р. С. Сибирский военный округ(1899–1906 гг.): страницы истории.// Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С.15–17.

173.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном Штабе. СПб.1912. Кн.1. Действия флота на Южном театре от начала войны до перерыва сообщений с Порт-Артуром. С. 2–4.

174.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб.1910. Т.1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне и подготовка к этой войне. С.284; 364; 379.

175.

Данилов Н. А. Подготовка в широком смысле воюющих сторон перед войной и обстановка перед сражением под Тюренченом.// Русско-японская война в сообщениях в Николаевской Академии Генерального штаба. Под редакцией ординарного профессора Николаевской Академии Генерального Штаба полковника А. Байова. СПб. 1906. Ч.1. С.5.

176.

The Russo-Japanese war. Compiled by the General Staff, War office. Lnd.1906. Part 1. P.31.

177.

Русско-японская война 1904–1905 гг... СПб.1910. Т.6. Сыпингайский период. С.15.

178.

Русско-японская война 1904–1905 гг... СПб.1910. Т.1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне и подготовка к этой войне. С.282; 295.

179.

Рябинин А. А. На войне в 1904–1905 гг. Из записок офицера действующей армии. Одесса. 1909. С.3.

180.

Дневники Николая II. 1894–1918. М.2011. Том 1. 1894–1904. С.787.

181.

Гарфильд(Глагол) С. Русско-японская война. Поэма на современные мотивы. Владивосток. 1907. С.5.

182.

Иностранное обозрение.// ВЕ. 1904. № 1. С.379.

183.

Русско-японская война от начала до Ляояна включительно. Лекции Генерального Штаба полковника Комарова. 1908/9 учебный год. СПб.1909. С.2.

184.

Мертваго Д. Очерки морских сношений и войн европейцев с Китаем.// МС.1883. № 11. С.111–115.; То же.// МС.1883. № 12. С. 59–87.; То же.// МС.1884. № 1. С. 63–92.; То же.// МС.1884. № 2. С. 1–34.

185.

Мертваго Д. Очерки морских сношений и войн...// МС. 1884. № 2. С. 34–39.

186.

Мертваго Д. Очерки морских сношений и войн...// МС. 1884. № 3. С. 5–28.

187.

Вейнберг Л. К истории военных событий на дальнем Востоке(1847–1855 гг.).// МС. 1898. № 5. С. 2–3.

188.

Вейнберг Л. К истории военных событий на дальнем Востоке(1847–1855 гг.).// МС. 1898. № 5. С.4.

189.

Вейнберг Л. К истории военных событий на дальнем Востоке(1847–1855 гг.).// МС. 1898. № 5. С. 4–5.

190.

Тимченко-Рубан Г. Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края.// ВС. 1909. № 10. С.164–167.

191.

Вахтин В. Адмирал Невельской и Амурский край.// МС. 1890. № 1. С.25.

192.

Попов А. Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания. // Красный архив(далее КА). М.-Л.1927. Т.2.(21). С.184.

193.

Вахтин В. Адмирал Невельской...// МС. 1890. № 1. С.38.

194.

Огородников С. К биографии адмирала Г. И. Невельского. Рапорт капитана 1-го ранга Невельского генерал-губернатору Восточной Сибири и командующему войсками в оной

расположенными, 16 октября 1853 года, по делу занятия острова Сахалин.// МС. 1899. № 12. С. 58–70.

195.

Баранов А. Е. На реке Амуре в 1854–1855 гг. Воспоминания офицера штаба Н. Н. Муравьева.// РС. 1891. Том 71. Вып.8. С. 351–353.

196.

Вахтин В. Адмирал Невельской...// МС. 1890. № 1. С.38.

197.

Попов А. Царская дипломатия...// КА. М.-Л.1927. Т.2.(21). С.186.

198.

Буйницкий А. Исторический обзор сношений образованного мира с Японией.// МС. 1860. № 10. С.78; 80–84.

199.

Сбигнев А. Попытки русских к заведению торговых отношений с Японией, в XVIII и начале XIX столетий.// МС. 1869. № 1. С.71.

200.

Сбигнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1816–1856.// МС. 1869. № 8. С.99.

201.

Экспедиция коммодора Перри в Японию.// МС.1854. № 8. С. 393–397.

202.

Из дневника Воина Андреевича Римского-Корсакова.// МС.1896. № 2. С.168.

203.

Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Путятина. О плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай. 1852–1855 год.// МС. 1856. № 10. С.43.

204.

Действия России и Нидерландов к открытию Японии для торговли всех народов.// МС. 1855. № 3. С. 2–3.

205.

Шиллинг Н. Г. Из воспоминаний старого моряка.// РуА. М. 1892. Вып.5. С.146–147.

206.

Из дневника Воина Андреевича Римского-Корсакова.// МС.1896. № 6. С.191–192.

207.

Юзефович Т.[П.] Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб.1869. С. 276–279.

208.

Тимченко-Рубан Г. Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края.// ВС. 1909. № 10. С.180–181.

209.

Юзефович Т.[П.] Ук. соч. С. 279–285.

210.

История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М. 1997. С.158–159.

211.

Мертваго Д. Очерки морских сношений и войн...// МС. 1884. № 4. С. 57–90.

212.

Попов А. Царская дипломатия... // КА. М.-Л.1927. Т.2.(21). С.187; 190.

213.

Тимченко-Рубан Г. Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края.// ВС. 1909. № 12. С.192–197.

214.

Юзефович Т.[П.] Ук. соч. С. 251–253.

215.

Максимов С. На Востоке. В Манчжурии.// МС. 1864. № 1.С.74–75.

216.

Письма об Амурском крае.// РуА. М. 1895. Вып.3. С. 378–379.

217.

Юзефович Т.[П.] Ук. соч. С. 253–259.

218.

Венюков М. И. Воспоминания о заселении Амура, 1857–1858 гг.// РС. 1879. Том 24. Вып.1. С. 91–93; 98.

219.

Максимов С. В. Заселение реки Амура.// МС. 1861. № 10. С.209; 215.

220.

Афанасьев Д. Амурский край и его назначение.// МС.1863. № 11. С. 28–29; 41–42.

221.

Дневник архимандрита Палладия за 1858 г.// Известия Министерства иностранных дел(далее ИМИД). СПб. 1912. № 2. С.275.

222.

Дневник архимандрита Палладия за 1858 г.// Известия Министерства иностранных дел(далее ИМИД). СПб. 1912. № 2. С.275.

223.

Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент в январе 1861 года генерал-адъютантом Н. П. Игнатьевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 году. СПб. 1895. С.306.

224.

Попов А. Царская дипломатия... // КА. М.-Л.1927. Т.2.(21). С.198.

225.

Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент... С. 306–307.

226.

Венюков М. И. Воспоминания о заселении Амура...// РС. 1879. Том 24. Вып.2. С.280.

227.

Мертваго Д. Очерки морских сношений и войн...// МС. 1884. № 5. С.151–153.

228.

Бутаков, Тизенгаузен. Обзор войн, веденных европейцами против Китая с 1840-42, 1856–1858, 1859 и 1860 гг.// Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого Комитета Главного Штаба. СПб.1884. Вып. VIII. С. 214–216; 310–313.; Мертваго Д. Очерки морских сношений и войн...// МС. 1884. № 6. С.91—161.; То же.//МС.1884. № 7. С.128–131.

229.

Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент... С.194; 211–212.

230.

Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент... С.234.

231.

Попов А. Царская дипломатия... // КА. М.-Л.1927. Т.2.(21). С.199.

232.

Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент... С. 8–9; 12; 99—100; 226–227; 234.

233.

Бутаков, Тизенгаузен. Обзор войн...// Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого Комитета Главного Штаба. СПб.1884. Вып. VIII. С. 320–322.; Мертваго Д. Очерки морских сношений и войн...// МС. 1884. № 7. С.147–149.

234.

Юзефович Т.[П.] Ук. соч. С. 259–269.

235.

Hopkirk P. The Great Game. The struggle for Empire in Central Asia. NY.-Tokyo-Lnd. 1992. PP.387–388.

236.

Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. СПб. 1906. Т.2. С. 50–52.

237.

Терентьев М. А. Ук. соч. СПб. 1906. Т.2. С. 56–57; Милютин Д. А. Воспоминания 1868 – начало 1873. М.2006. С.434.

238.

Зайончковский П. А. К вопросу завоевания Средней Азии.// Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. Сост. Л. Г. Захарова, С. В. Мироненко, Т. Эммонс. М.2008. С.82.

239.

Терентьев М. А. Ук. соч. СПб. 1906. Т.3. С.254.

240.

Дневник Д. А. Милютина 1878–1880. М.1950. Т.3. С.124.

241.

Дневник Д. А. Милютина 1878–1880. М.1950. Т.3. С.233.

242.

Кондратенко Р. В. Манзовская война. СПб. 2004. С.129.

243.

Симонов Н. Сибирский казачий № 1 Ермака Тимофеева полк в Кульджинском походе 1880 года.// ВС. 1895. № 6. С. 243–244.

244.

Russia in the East 1876–1880. The Russo-Turkish war and the Kuldja crisis as seen through the letters of A. G. Jomini to N. K. Giers. Edited by Chrales and Barbara Jelavich. Leiden. 1959. P.99.

245.

Кондратенко Р. В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб. 2006. С. 56–57.

246.

Чайковский И. Владивосток или Ольга.// МС. 1880. № 12. С.26; 29.

247.

Авилов Р. С., Аюшин Н. Б., Калинин В. И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Владивосток. 2013. Ч.1. «Назло надменному соседу» 1860–1905 гг. С.40.

248.

Морская хроника. Китайский броненосец Ting-Yuen.// МС. 1882. № 2. С. 27–29.

249.

Морское дело за границей. Китайский броненосец Ting-Yuen.// МС. 1883. № 2. С.37.; Морское дело за границей. Новейшие суда китайского флота.// МС.1883. № 7. С.30.; Морское дело за границей. Китайский броненосный корвет Tsi-Yuen.// МС.1884. № 1. С.27.

250.

Дневник Д. А. Милютина 1878–1880. М.1950. Т.3. С. 285–286.

251.

Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М.1958. С. 54–60.

252.

Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М.1958. С. 60.

253.

Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М.1958. С. 66–67.

254.

Симонов Н. Сибирский казачий № 1 Ермака Тимофеева полк в Кульджинском походе 1880 года.// ВС. 1895. № 6. С.248.

255.

Терентьев М. А. Ук. соч. СПб. 1906. Т.3. С.261.

256.

Нилус Е. Х. Исторический обзор... Харбин. 1923. Т.1. 1896–1923. С.5.

257.

Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания. 1881–1885.// ВЕ. 1904. № 9. С. 85–87.

258.

Tcharykow N. V. Glimpses of high politics. Through war and peace 1855–1929. Lnd. 1931. P.161.

259.

Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб. 1880. С.63.

260.

Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.1960. С.147; 151.

261.

Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания...// ВЕ. 1904. № 9. С.113–116; 118.

262.

Тихомиров М. Н. Ук. соч. С.163.

263.

Манацков. Хорасан. Персидский и Афганский.// ВС.1900. № 8. С.397.

264.

Dearubaix E. L'Angleterre et la Russie en Orient.// Brochures militaires. Bruxelles et Leipzig. 1885. № 27. P.39.

265.

Hopkirk P. The Great Game... PP.418–421.

266.

Marvin Ch. The Russian annexation of Merv. What it means and it must lead to. Lnd. 1884. P.6.

267.

Marvin Ch. The Russian annexation of Merv. What it means and it must lead to. Lnd. 1884. P.8.

268.

Заметки о Закаспийской железной дороге, с 1880 по 1889 год, Н. Полторанова(бывшего начальника пути и зданий на Закаспийской железной дороге). Самарканд. 1890. С.40.

269.

Marvin Ch. The Russian railway to Herat and India. Lnd. 1883. P.10–12.

270.

Терентьев М. А. Ук. соч. СПб. 1906. Т.3. С. 245–246.

271.

Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания...// ВЕ. 1904. № 10. С.473.

272.

Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885. СПб.1886. № 62. С.187–189.

273.

Тихомиров М. Н. Ук. соч. С.171.

274.

Горный М. Поход на афганцев и бой на Кушке(1885 г.). М.1901. С. 79–80.

275.

Сражение на Кушке. Новое Время. 1885. № 3313.// Туркестанский Сборник. СПб. 1885. Т.390. С.23.

276.

Горный М. Ук. соч. С. 81–82.

277.

Тихомиров М. Н. Ук. соч. С.171.

278.

Шеманский А. Д. Годовщина Кушкинского боя.// ВС. 1907. № 5. С.34.

279.

Горный М. Ук. соч. С. 82–83.; Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания...// ВЕ. 1904. № 10. С. 485–486.

280.

Шеманский А. Д. Годовщина Кушкинского боя.// ВС. 1907. № 5. С.28; 33.

281.

От Зеравшана до Таш-Кепри...// ВС. 1905. № 1. С.64.; Карандаков Н. Мургабский отряд и Кушкинский бой.// ВС.1910. № 3. С.217.

282.

Шеманский А. Кушкинский юбилей.// ВС.1910. № 5. С.34.

283.

Горный М. Ук. соч. С.100.

284.

Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания...// ВЕ. 1904. № 10. С.489.

285.

Подробный рапорт ген. А. В. Комарова см.: Афганское разграничение... № 115. С. 287–305.

286.

Шеманский А. Кушкинский юбилей.// ВС.1910. № 5. С.37.

287.

Afganistan. Marche des Russes dans l'Asie Centrale.// Revue militaire. Paris. 1885. № 4. P.243.

288.

Hopkirk P. The Great Game... PP.428–429.

289.

Морское дело за границей. Военные приготовления Англии на случай войны с Россией.// МС. 1885. № 5. С.1.

290.

Мак-Грегор [Ч.] Оборона Индии. Часть 1.// Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого Комитета Главного Штаба. СПб. 1891. Вып. XLIII. С.146; 149.—

291.

Мак-Грегор [Ч.] Оборона Индии. Часть 1.// Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого Комитета Главного Штаба. СПб. 1891. Вып. XLIII. С.167–168.

292.

Мак-Грегор [Ч.] Оборона Индии. Часть 1.// Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого Комитета Главного Штаба. СПб. 1891. Вып. XLIII. С.176.

293.

Мак-Грегор [Ч.] Оборона Индии. Часть 2.// Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого Комитета Главного Штаба. СПб. 1891. Вып. XLIV. С.100–101.

294.

Мак-Грегор [Ч.] Оборона Индии. Часть 2.// Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого Комитета Главного Штаба. СПб. 1891. Вып. XLIV. С.115.

295.

Roberts of Kandahar F. S. 41 years in India. Lnd.1900. P.503.

296.

Тизенгаузен А. Военно-статистический очерк Британской Индии.// ВС. 1887. № 2. С.282; 285–286; 295–297; 302–303.

297.

Public Records Office(PRO). ADM(Admiralty). 1/8869. General outline of possible Naval operations against Russia, Admiralty, Foreign Intelligence Committee, 14 March 1885. PP.2–4.

298.

Кондратенко Р. В. Морская политика России... С.188–198.

299.

Ward A. W., Gooch G. P. The Cambridge history of British foreign policy. Cambr. 1923. PP.188–189.

300.

Терентьев М. А. Ук. соч. СПб. 1906. Т.3. С.249.

301.

Маслов А. Н. Россия в Средней Азии((Исторический очерк наших новейших приобретений).// Исторический Вестник(далее ИВ). 1885. Том 20 Вып.5. С. 419–420.

302.

Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана. СПб.1901. Т.1. С.325.

303.

Roberts of Kandahar F. S. Op.cit. P.508.

304.

Автобиография Абдурахман-хана... СПб.1901. Т.1. С.328.

305.

Roberts of Kandahar F. S. Op.cit. PP.504–506.

306.

Морское дело за границей. Военные приготовления Англии на случай войны с Россией.// МС. 1885. № 6. С.2.

307.

В. Н. Иностранное военное обозрение. Французская экспедиция в Тонкин.// ВС. 1883. № 11. С.173–196.

308.

Морское дело за границей. Французская эскадра в Тонкине.// МС. 1883. № 9. С.6—12.

309.

Эскадра адмирала Курбе. Записки и воспоминания Мориса Луара, лейтенанта с Triomphante.// МС. 1886. № 1. С.144.

310.

Эскадра адмирала Курбе....// МС. 1886. № 2. С.154.

311.

Эскадра адмирала Курбе...// МС. 1886. № 3. С.101.

312.

Морское дело за границей. Экспедиции французов в Тонкине и Магадаскаре.// МС. 1883. № 11. С.29.

313.

Недзвецкий В. Иностранное военное обозрение. Французская экспедиция в Тонкин.// ВС. 1884. № 7. С.96—118.; Морское дело за границей. Экспедиция французов в Тонкин.// МС. 1884. № 1. С. 24–27.; То же.//МС.1884. № 3. С. 21–22.

314.

Морское дело за границей. Экспедиция французов в Тонкин.// МС. 1884. № 6. С.10–11.

315.

Морское дело за границей. Начало франко-китайской войны.// МС. 1884. № 9. С. 21–25;
Морское дело за границей. Военные действия французов в Китае.// МС. 1884. № 10. С. 21–48.

316.

Морское дело за границей. Военные действия французов в Китае.// МС. 1884. № 11. С.1—10.;
Морское дело за границей. Военные действия французов в Китае.// МС.1884.№ 12. С. 1–33.

317.

Морское дело за границей. Военные действия французов в Китае.// МС. 1885. № 2. С. 1–5.

318.

Морское дело за границей. Военные действия французов в Китае.// МС. 1885. № 3. С. 3–5.

319.

Морское дело за границей. Военные действия французов в Китае.// МС. 1885. № 4. С. 1–6.

320.

Морское дело за границей. Военные действия французов в Китае.// МС. 1885. № 4. С. 33–34.; Недзвецкий В. Иностранное военное обозрение. Французская экспедиция в Тонкин.// ВС. 1885. № 5. С.86—103.

321.

Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе 1848–1918. М.1958. С.316.; Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М.1975. С.184–185.

322.

Письма Вильгельма Прусского к Александру III.// КА. М. 1923. Т.2. С.127.

323.

Международные отношения 1870–1918. М.1940. С.76.

324.

Международные отношения 1870–1918. М.1940. С.77.

325.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. М.1966. Т.1. 1883–1886. С.315.

326.

Половцов А. А. Ук. соч. М.1966. Т.2. 1887–1892. С.135.

327.

Тэйлор А. Дж. П. Ук. соч. С.318.

328.

PRO. ADM. 1/8869. Dardanelles and Bosphorus. Passage of and occupation of waterway in the event of Turkish opposition. Admiralty, Foreign Intelligence Committee, 16 April 1885. PP.1–6.

329.

PRO. ADM. 1/8869. General outline of possible Naval operations against Russia, Admiralty, Foreign Intelligence Committee, 14 March 1885. PP.4; 13–14; 16.

330.

Smith C. L. The Embassy of Sir William White at Constantinople 1866–1891. Oxford University press. 1957. P.12.

331.

Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб. 1898. Т.12. Трактаты с Англией 1832–1895. С. 447–451.

332.

Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб. 1898. Т.12. Трактаты с Англией 1832–1895. С. 464–475.

333.

Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб. 1898. Т.12. Трактаты с Англией 1832–1895. С. 498–504.

334.

Нилус Е. Х. Исторический обзор... Харбин. 1923. Т.1. 1896–1923. С.6.

335.

Черевко К. Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII–XIX века. М. 1999. С. 197.

336.

Чайковский И. Владивосток или Ольга.// МС. 1880. № 12. С.58.

337.

Российский Государственный архив Военно-морского флота(далее РГА ВМФ). Ф. 410. Оп. 2. Д. 4183, Л. 3-29, 153, 155, 169–180.

338.

Rosen R. R. Op.cit. Lnd. 1922. Lnd. 1922. Vol.1. P.35.